

Зула Верес

Месть?

Я не хотела отбивать жениха у своей лучшей подруги. Но он решил, что я лучше, а я повелась на его красивые слова. Кто же знал, что наказанием за предательство станет прозябание в немощем теле другой девушки, когда каждый самостоятельно сделанный шаг — уже подвиг! Смогу ли я с честью пройти испытания, выпавшие на мою долю? Может быть, моя вторая жизнь — уже подарок судьбы и возможность все исправить?

— Прости... — прошелестела Вера, опустив глаза.

Было стыдно и страшно поднять голову и увидеть на лице подруги отвращение и ненависть. А других эмоций ожидать от Лики не стоило. Не после того, что натворила Вера! Обидела. Унизила. Предала...

— Прости?! Прости — и всё?! — голос у Лики сорвался на хриплый шепот. — А ты бы простила, Вер?!

Казалось, побледнеть сильнее было уже невозможно, но Вера ощутила, как последние капли крови отливают у нее с лица. Морозными когтями продрало шею и виски, по спине прошла волна дрожи. Нет, Вера бы не простила. Не смогла бы! Да и Лика не должна. Такое не прощают!

— Уходи! — кинула подруга и отвернулась к окну.

Так и не подняв голову, Вера шаркающими шагами двинулась к двери. Медленно. Потому что понимала, что у Лики еще остались невысказанные слова. Такие же обидные и страшные, каким был поступок самой Веры. И они действительно прозвучали:

— Я отомщу! Видит бог, я тебе отомщу, Вера!

— Имеешь право, — прошептала та и шагнула за порог.

Закрыв дверь, она прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Плевать, что увидят любопытные студенты, шастающие по коридору и с большим предвкушением ожидающие скандала между двумя близкими подругами, которые не поделили одного смазливового парня! Плевать, что, вздумай Лика выйти из комнаты, Вере прилетит в голову дверь! Плевать! Что такое боль физическая по сравнению с болью душевной? Пустяк! В груди у Веры скрутилась такая острая боль от осознания своей подлости и вероломности, что она бы, казалось, даже не обратила внимания, проломи ей кто-нибудь череп или сломай руку...

Но сидеть под дверью бывшей подруги смысла не было. Поэтому она с трудом поднялась на слабые ноги и прошаркала по коридору в сторону выхода из общежития. Куда она пойдет? Кто ее там ждет? Никто. И пойти ей некуда. Но оставаться рядом с Ликой было тоже невозможно. Поэтому она и шла, не поднимая головы, по улице, не обращая внимания ни на то, что ее временами толкают, ни на едкие замечания прохожих, спешащих по своим срочным делам, «когда кому-то делать нечего». Так, в толпе людей, ее и вынесло к проезжей части. Но если остальные пешеходы благоразумно остановились у перехода, ожидая зеленого светофора, то Вера сомнамбулой двинулась прямо на красный свет.

— Девушка, осторожно! — услышала она перед тем, как завизжали тормоза и неистово загудели клаксоны, а в следующее мгновение почувствовала острую боль во всем теле и провалилась в вязкую темноту, с облегчением успев подумать: «Вот и всё!»

Глава 1

— Осторожнее! Переложите ее на кровать! — слышались как будто издали заботливые слова. — Андреас, принесите нюхательной соли! Софи, не путайся под ногами, дорогая, ты мешаешь!

— Как же ее угораздило? — мужской старческий голос дребезжал прямо над ухом, не давая вновь уйти в спасительное забытие. — Разве вам не велено было следить за ней, Элеонора?!

— Простите, граф, я буквально на минутку отошла, чтобы по ее просьбе позвать господина Андреаса, а она... Мне кажется, она заранее это замыслила и специально меня от себя отослала, чтобы попробовать...

— Не говорите ерунды, Элеонора! Эви не настолько легкомысленная девушка, чтобы не понимать, что пока не готова к таким экспериментам! — отчитывал таинственный «граф» свою собеседницу. — Впредь будьте осмотрительней и не оставляйте ее ни на минуту!

— Как скажете, Ваше Сиятельство, — с плохо скрываемой обидой ответила женщина, продолжая хлопотать вокруг меня.

Стоп! Кто эти люди?! Я попала на съемки фильма про аристократию 19 века? Какие графы, какие сиятельства?! Попыталась открыть глаза, чтобы взглянуть на актеров, но тут послышался тоненький голосок:

— Смотрите, она приходит в себя! Эви! Эви, ты нас так напугала!

— Эвелина, дорогая! Как ты себя чувствуешь? Где болит? Ты сильно ушиблась?

Пришлось распахнуть глаза, чтобы посмотреть на эту Эвелину, о которой так все беспокоились. Видимо, эта девушка и впрямь всем очень дорога, что же она такого натворила?

— Слава богу! — радостно воскликнула довольно пышная немолодая женщина со светло-кариими глазами, в которых светилось беспокойство с облегчением.

И эти глаза сейчас смотрели... прямо на меня!

Переведя взгляд с ее озабоченного лица, увидела, что меня окружают незнакомые люди, и все они смотрят на меня с необъяснимой любовью и заботой. Причем каждый норовит меня подержать за руку или погладить по щеке. Неужели я все еще не проснулась? Кто все эти люди? Почему они мне снятся?

— Эвелина, родная, не молчи! — произнес тут молодой человек с прозрачными зелеными глазами, мягко оттесняя всех от меня и завладевая моими руками. — Что с тобой произошло? Почему ты лежала на полу? Тебя кто-то испугал?

— Я... не помню... — выдавила я, понимая, что ничего не понимаю.

Получается, это я — Эвелина? Но ведь я... я... боже, как же меня на самом деле зовут?! Страх сковал меня в холодные тиски, пробирая до самых костей жутким морозом. Я не помню, как меня зовут! Но знаю, что не так, как зовут окружающие! Где я? Что со мной случилось?!

— Не помнишь? — переспросил шатен. — Но ведь нас, меня ты помнишь?

— Н-нет, — призналась я. — Не помню...

— Ну как же?! Я Андреас, твой кузен! Мы всегда проводили лето вместе в вашем имении! Когда еще были живы...

— Андреас! — предупреждая воскликнул худой старик, дотрагиваясь до плеча

молодого человека и заставляя его замолчать.

— Кто? — все же спросила я.

— Не важно! — ответил мне старик, занимая место Андреаса. — Эви, детка, мы все очень испугались за тебя!

— Кто вы? — спросила я, осторожно высвобождая свою руку из мягкой, но крепкой хватки костлявых пальцев старика.

— Я друг твоего отца, Михель Седрик, ты всегда называла меня дядей Михой, помнишь? А еще очень любила сидеть у меня на коленях и играть с моими усами и бородой.

Я с сожалением покачала головой, из-за чего в глазах старика промелькнула то ли боль, то ли досада. Но разве я могу всё это помнить, если ничего этого в моей жизни не было?!

— Но хоть сестренку свою ты должна помнить! — заговорила та женщина, к которой все обращались по имени Элеонора. — Софи, деточка, подойди ближе! Помнишь ее, Эвелина?

На меня грустными пронзительно синими глазами смотрела хрупкая девочка лет девяти-десяти, изо всех сил стараясь не расплакаться, и увидев ее отчаяние и обиду, мне самой захотелось разрыдаться. Господи, кто эти люди? Почему они считают меня Эвелиной, когда я... не помню, кто, но это точно не мое имя!

— Она и меня забыла! — все-таки слезы брызнули из синих глаз, и девочка, закрыв лицо руками, вырвалась из рук Элеоноры и убежала из комнаты.

Я почувствовала себя виноватой в том, что все вокруг меня теперь выглядели ошарашенными и подавленными. Андреас понуро смотрел в окно, Михель задумчиво оглаживал седую бороду, а Элеонора, сдвинув рыжеватые брови, недовольно поправляла клетчатый плед на моих ногах.

Но разве я должна была соврать им?

Наконец, покусывая губы, Андреас подошел ко мне и присел на краешек кровати.

— Мы все постараемся, чтобы память к тебе вернулась, Эви, — проговорил он убежденно, поглаживая мою руку своими длинными ухоженными пальцами. — Но ты должна кое-что обещать!

— Что? — спросила я, нерешительно оглядывая окружающих.

— Что не будешь больше предпринимать попыток самостоятельно встать на ноги. Это не безопасно! В этот раз ты потеряла от удара головой память, а в другой раз, неудачно упав, можешь переломать себе что-либо или вообще разбить голову! Обещаешь, дорогая?

Услышав эти неожиданные слова, я впервые попыталась пошевелить ногами и с ужасом поняла, что почти не чувствую их! То есть они есть, но они меня не слушаются! Боже, что же со мной случилось? Я — инвалид?!

Внезапно виски прострелило острой болью, а перед глазами промелькнули кадры, как визжат тормоза, сжигая покрышки автомобиля, но неминуемый удар о бампер и капот отбрасывает меня на несколько метров. И перед тем, как погрузиться в темноту, я ощущаю острую боль на бедре и во всем теле... Но разве я тогда не умерла?!

Значит, мои больные ноги — результат аварии? Как бы мне об этом спросить? Поколебавшись, я все же задала осторожный вопрос:

— А что с моими ногами?

— Боже, деточка, ты и этого не помнишь? — с жалостью посмотрела на меня Элеонора.

Видя, что я не кривлю душой, старый граф решил прояснить ситуацию.

— Эви, я тебе всё расскажу, но только если ты не будешь вновь плакать и обвинять во всем себя, — сказал он, занимая место рядом со мной, снова заставив Андреаса молчаливо уступить.

— Я не буду, — пообещала я, потому что неведение было просто ужасно.

Вряд ли он удивит меня рассказом об аварии, потому что, как ни странно, воспоминания о ней, внезапно промелькнувшие в моей памяти, я приняла с каким-то необъяснимым равнодушием, словно все это произошло не со мной.

— Дело в том, что два года назад ты попала в аварию, — начал свой рассказ старик, пристально вглядываясь в мое лицо в ожидании возможной истерики.

Заметив, что я не собираюсь плакать, он продолжил уже более уверенно:

— Вы с родителями, Варлином и Офелией, ехали на бал к герцогу Тармону Ксорду. Он собирал всех знатных молодых девушек на праздник зимнего нового года, чтобы познакомить с ними своего сына Густава, вернувшегося после многолетнего обучения, а потом и службы на благо короля Дария. Тармон хотел, чтобы сын женился и остался в имении своего отца, чтобы продолжить династию, ведь старому герцогу становилось все труднее заниматься хозяйством и заботиться о своих подданных.

Слушая Михеля, я словно переживала все те события, о которых он мне рассказывал. Странно, я понимала, что все они происходили не со мной, но сейчас будто примеряла их на себя!

— Твои родители тоже не могли отказаться от приглашения, — продолжил между тем граф. — Хотя много лет назад между Тармоном и твоим отцом произошла неприятная история, связанная с наследованием приграничных земель, обиды было решено забыть. Не думаю, что Варлин хотел бы породниться с Ксордом. Просто это была еще и возможность обговорить кое-какие вопросы с соседями, пока их дочери блистали на балу.

Так вот, вы втроем отправились на бал в карете. Ехать было всего около часа, день был солнечный, ясный, поэтому никто не стал озадачиваться лишней поклажей, одеты были соответственно погоде, но без фанатизма — шубы, меха, теплые сапожки. Но недалеко от имения герцога погода испортилась, разыгралась вьюга, метель, дороги замело. Видимо, поэтому кучер заблудился и направил лошадей в совершенно другую сторону...

Граф скорбно помолчал, собираясь с силами, чтобы довести свой рассказ до конца.

— Никто теперь не расскажет, что тогда произошло и почему карета оказалась на дне глубокой расщелины в двадцати верстах от имения Ксорда. Кучер и твои родители... они погибли сразу, а ты выпала из кареты, когда она начала опрокидываться, и, зацепившись

бальным платьем о корень векового дерева, осталась висеть над обрывом, правда, потеряв сознание от удара. Вас хватились лишь наутро, когда стало известно, что вы не вернулись с бала. А когда не приехали и к вечеру, стали искать...

Старик тяжело вздохнул и сказал:

— Ты тогда не только переломала, но и отморозила ноги. Однако боги тебя пощадили, сохранив тебе жизнь. Правда, с тех пор твои ноги потеряли чувствительность, и ты не можешь ходить...

Я слушала эту историю, затаив дыхание. Казалось, старый граф действительно рассказывает о моей жизни, только временные рамки несколько сдвинуты, и последовательность событий немного другая. Ну и, естественно, моя настоящая история, кажется, была намного современнее, потому что жила я в век технологий и автоматики, а не карет и кучеров.

Удивительно было то, что по мере рассказа я вспоминала свою жизнь. Свою, настоящую жизнь, а не жизнь Эвелины.

Ведь мои родители действительно погибли в аварии. И произошла она под Новый год, когда папа с мамой решили поехать на горнолыжный курорт, чтобы встретить праздник с романтикой, как в молодости. И взяли они с собой... нет, не меня, а мою сестренку Свету, потому что у меня была первая сессия, а у сестренки — каникулы.

Бедная моя сестренка! Лана, как она любила себя называть вслед за своими одноклассницами, по-всякому сокращающими свои имена... Ей было только тринадцать, когда отец не справился с управлением на серпантине, и машина полетела вниз, ломая все ограждения и заслоны...

Помню, когда мне сообщили о гибели семьи, я только вышла из аудитории, сдав последний зачет. Не помню, как упала в обморок, не помню, как ездила на похороны, потому что машина, докатившись до основания горы, взорвалась и сгорела дотла, поэтому даже хоронить было некого...

— ... ты все время рыдала и говорила, что это ты виновата, ведь из-за того бала им пришлось выехать в дорогу... — тихонько говорит граф, а я вспоминаю, как целый год не могла успокоиться после смерти родителей.

Нет, не рыдала, слезы как-то сами собой закончились, когда вернулась с так называемых похорон. Но все время чувствовала себя виноватой, что не поехала тогда с ними. Мне казалось, что я их предала, оставшись живой, когда они... Их нет.

— ... герцог Ксрд со своим сыном приезжали на похороны, чтобы выразить свое соболезнование, но ты не захотела их видеть. Хорошо, что Андреас оказался здесь и смог принять их, как подобает их статусу, иначе пришлось бы вновь враждовать с ними...

— Враждовать? — спрашиваю я, зацепившись за слово.

— Неужели они настолько черствые, что стали бы враждовать из-за того, что убитая горем из-за потери родителей и подавленная своим увечьем девушка отказывается с ними разговаривать?

— Поверь, девочка моя, герцог Ксфорд был тем еще авторитарным и мстительным человеком, что он не стал бы смотреть на все твои страдания!

— Был?

— Да, — с каким-то равнодушием ответил старый друг моего отца. — Прошлой зимой он утонул в проруби. Нехорошо, конечно, радоваться чужой смерти, но вся округа с искренним облегчением выдохнула, узнав о его бесславной кончине.

— А как относились к моим родителям? — с ревнивым интересом спросила я.

Пусть это и не мои настоящие родители, но не хотелось бы, чтобы к ним было такое же отношение, как к тщеславному герцогу!

— О, Варлина и Офелию все знакомые нам соседи провожали с глубокой скорбью! — уверил меня граф. — Их нельзя было не любить! Твоя мама была первой красавицей не только Юдоры, но и ее окрестностей. А ее покладистый характер, доброта и щедрость были образцом для подражания всех досточтимых дам. Да и Варлин был ей под стать, не зря ведь Офелия выбрала его из всех претендентов на ее руку и сердце!

В груди потеплело от таких добрых слов в адрес родителей. Как бы то ни было, но слыть дочерью какого-нибудь жестокого самодура очень не хотелось! Даже если и сиротой!

— Ну что, хоть что-нибудь не вспомнила из тех времен? — мягко спросила меня Элеонора, подходя ближе и усаживая меня, подложив за спину большую перину.

— К сожалению... — развела я руками, виновато взглянув на присутствующих.

— Ну ладно, — успокоила меня женщина, — зато теперь ты совершенно спокойно воспринимаешь всю эту историю! А раньше начинала плакать при любом упоминании о родителях. Я думаю, это к лучшему!

Тут она обернулась к мужчинам и сообщила:

— Ваше Сиятельство, если вы позволите, я бы покормила Эвелину, ведь она с утра ничего не ела!

— Конечно, Элеонора! — довольно резво подскочил с кровати граф. — Я должен удалиться в город по делам имения. Постараюсь вернуться к вечеру или завтра утром. Эвелина, девочка моя, — обратился он ко мне, — обещаешь больше не пугать нас?

— Обещаю! — искренне ответила я старику. — Езжайте со спокойной душой!

— Я провожу вас, граф! — сказал Андреас, направляясь к двери вслед за Седриком. — Хотел кое о чем вас попросить...

О чем хотел попросить графа мой кузен, я не услышала, потому что Элеонора затеяла грандиозный обед из четырех блюд и начала меня активно уговаривать все съесть! Правда, я сопротивлялась недолго, потому что ощутила просто зверский аппетит, как только она сняла крышки с источающих божественный аромат блюд! Тающий во рту яблочный пирог с корицей, великолепно прожаренный ростбиф, картошка, запеченная в чесночно-луковом маринаде со специями... Мммм, и напоследок десерт из взбитых сливок и клубники!

Почувствовав приятную сытость, я откинулась на мягкие подушки и прикрыла глаза.

— Поспи, деточка! — прошлась по моим волосам Элеонора, убирая низенький

переносной столик. — Отдохни! Может, еще что вспомнишь!

— А Софи... — вспомнила я сквозь дрему о маленькой обиженной девочке.

— Она уже не обижается на тебя! — поняла меня женщина. — Вечером еще поговоришь с ней, а сейчас спи!

Словно под гипнозом, я сразу провалилась в тягучий сон.

Снилось что-то бессвязное, непонятное, не имеющее смысла. Как только мне казалось, что я вижу что-то знакомое, это ускользало от меня, и я вновь погружалась во что-то вязкое, не отпускающее от себя.

Сколько прошло времени, я не знала, но проснулась ближе к вечеру. Судя по теням на полу, солнце уже садилось. Впервые оказавшись в комнате одна, я постаралась всё здесь хорошенько рассмотреть. Лежа было трудно с этим справиться, поэтому я старательно подтянула на руках свое малоподвижное тело и постаралась опереться спиной о спинку кровати.

Комната оказалась довольно просторной и светлой.

Кровать была установлена почти посреди комнаты. Не слишком широкая, не слишком мягкая. «Чтобы было удобно поднимать меня!» — догадалась я. Постель была изысканная, шелковые простыни цвета слоновой кости приятно охладили спину, прикрытую тонкой сорочкой.

«А здесь тоже конец мая?» — вдруг пришло мне в голову. Тоже? Значит, когда случилась та авария, был май! Стоп! Какой май, если я отморозила ноги? «Но под машину я ведь попала в мае!» — вновь словно кто-то произнес в голове. Здесь нет машин! Это была карета и канун новогодия! — перечила этому другая моя часть.

Да что со мной происходит?! Раздвоение личности? Так недолго и с ума сойти!

«Не сойдешь! — вдруг проговорил кто-то у моего изголовья. — Не для того тебе была дарована эта жизнь!»

— Что? — повертела я головой, но никого, конечно же, не увидела. — Кто это?

«Твоя судьба!» — прозвучало в ответ.

— Судьба? — удивилась я. — Ничего не понимаю!

«Вот когда поймешь и все исправишь, тогда и будешь счастлива!»

— Но что я должна исправить? — задала я вопрос, продолжая озираться.

«Вспомни сама!»

Как бы я ни старалась разузнать хоть что-нибудь конкретное, таинственный голос больше не произнес ни слова. Только в голове, как рефрен, снова и снова повторялись слова: «Вспомни сама, вспомни сама, вспомни...»

Утомленная этим бесконечным повтором, я вновь уснула. Но в этот раз сны были вполне реалистичные.

— Я тебя с ним сейчас познакомлю! — радостно щебетала рядом со мной красивая белокурая девушка, увлекая меня в сторону буфета. — Он такой классный, ты не представляешь!

Я тихонько посмеивалась над подругой(?), между тем радуясь ее искреннему счастью. Она познакомилась вчера со старшекурсником и сразу, по ее словам, влюбилась! Причем и он, кажется, вспылал к ней ответными чувствами, потому что вернулась подруга почти в полночь, с опухшими от поцелуев губами и сияющими счастьем глазами.

— Он такой... такой... — не могла она никак найти подходящего эпитета, поэтому вновь повторила, — классный!

— Ну хорошо-хорошо! — рассмеялась я в голос. — Считай, убедила! Знакомь давай, где он у тебя, такой классный?

— Сереж! — тут же вскинулась подруга и подлетела к высокому кудрявому брюнету в очках. — Я так соскучилась!

— Я тоже, зая моя! — подхватил парень подругу за талию и смачно поцеловал ее в губы.

Меня немного передернуло от такого прилюдного проявления страсти, учитывая их недолгое знакомство.

— Познакомься, Сереженька, это моя самая лучшая подруга! — взглянула белокурая красавица влюбленными глазами на парня и махнула мне рукой, подзывая ближе.

Подходя к парочке, я невольно опустила глаза, потому что наткнулась на слишком заинтересованный, изучающий взгляд нагловатых темно-серых глаз из-под стильных очков.

— Самая лучшая? — протянул он мне руку, аккуратно освобождаясь из объятий влюбленной подруги. — Сергей.

Я не спешила отвечать, потому что ощущала себя неловко в компании этой странной парочки.

— У самой лучшей подруги нет настроения? — улыбнулся брюнет.

Я хотела ответить что-то колкое, но тут сон истончился, и я словно вынырнула из-под толщи воды. Сердце стучало с перебоями, в висках неприятно кололо, а сорочка была влажной и липла к телу.

Похоже, эти люди — из моей прошлой жизни, о которой я тоже помнила очень смутно. Несмотря на то, что память молчала об имени той белокурой девушки, я почему-то была уверена, что она — действительно моя лучшая подруга. Отголоски моего теплого отношения к ней все еще колыхались в моем сердце, но как бы я ни мучилась, вспомнить, как ее зовут, так и не получилось.

А вот тот парень, Сергей, отчего-то вызывал у меня отторжение, хотя понять, из-за чего, я точно так же не смогла. Возможно, с ним связано что-то неприятное в моей жизни?

И вообще, почему мне приснился этот эпизод?

«Вспомни сама!» — как будто кто-то шепнул в голове. Опять этот голос! «Вспомни и исправь!»

Знать бы еще, что я должна вспомнить и что исправить! И если это связано с моей предыдущей жизнью, то как я смогу что-либо исправить там, если сама я здесь?

В раздумьях пролежала до самого утра, но ничего путного в голову не приходило, как и тот голос, похоже, возвращаться не собирался.

Когда за окном посветлело и в комнату просочились первые солнечные лучи, ко мне, легонько постучав, заглянула Софи.

— Можно? — несмело спросила она тоненьким голоском.

— Конечно, Софи, проходи! — улыбнулась я. — Доброе утро!

— И тебе доброе утро! — ответила она и, подойдя к кровати, нерешительно остановилась в метре от меня.

— Садись, маленькая! — постаралась я улыбнуться как можно благожелательнее, хлопнув рядом с собой.

— А ты меня уже вспомнила? — спросила она, прежде чем присесть.

— К сожалению, нет, — грустно ответила я, понимая, что для нее это очень важно. — Но я обязательно вспомню, родная, вот увидишь!

— Ну хорошо, — согласилась девочка, забираясь ко мне с ногами. — Элеонора сказала, что это ты не специально про нас всех забыла, что иногда такое случается, когда человек ударяется головой.

— Она правильно все объяснила, — я взяла Софи за руку и погладила. — А давай ты мне расскажешь, что мы делали вместе, может быть, это поможет мне быстрее всё вспомнить?

— Ага, Андреас тоже меня об этом попросил, — призналась девочка, устраиваясь удобнее. — А с какого времени тебе начать рассказывать? С самого начала?

— Давай с самого начала, — предложила я, обрадовавшись возможности узнать как можно больше о жизни Эвелины, в тело которой судьба меня забросила.

Кстати, хорошо бы еще взглянуть на себя в зеркало, ведь я даже не знаю, как теперь выгляжу! Улучу момент и попрошу у сестренки зеркальце, а пока нужно внимательно слушать «свою биографию».

— Ты всегда была очень веселой и непоседливой, — между тем охотно просвещала меня Софи. — Ну... до тех пор, пока... сама понимаешь, о чем я.

— Понимаю, — тихонько ответила я.

Ведь родителей лишилась не я одна, но и эта маленькая, хрупкая девочка, которая вместо того, чтобы выслушивать утешения от старшей сестры, вынуждена играть ее роль. Думаю, ей тоже нелегко пришлось, пусть эта история и не оставила ее калекой физически, но моральную травму ей она, без сомнения, нанесла немаленькую!

— Так вот, — продолжила девочка, — мы с тобой были очень дружны, ты мне дарила всякие безделушки, помогала с уроками, когда у мамы времени не было. Мы любили ходить в дальний лес за ягодами, и у тебя всегда получалось набрать больше всех, даже больше мамы и папы!

— А они... ну, мама и папа, какими были? — спросила я. — У тебя нет их изображений?

— Конечно, есть! — вскочила с места Софи. — Сейчас я принесу!

И сестренка умчалась за фотографиями, а я осталась лежать, потому что, как бы ни хотела тоже подвигаться, ноги мои наотрез отказывались меня слушаться.

— Вот! — буквально через десять секунд в мою ладонь опустился красивый медальон размером с крупную брошь. — Это было твое, просто Элеонора попросила пока тебе не показывать... ну... из-за того, что ты плакала...

С каким-то необъяснимым трепетом я нажала на выступающую еле заметную кнопочку, и медальон раскрылся. С обеих его сторон на меня смотрели две миниатюрные фотографии.

Поняв, что изображения расплываются из-за наполнивших мои глаза слез, я смахнула их и сфокусировала зрение. Но это... это же они!!!

Не знаю, как я их узнала, потому что представить лицо своих родителей (своих настоящих родителей!) до этого у меня не получалось. Даже когда вчера при рассказе графа соотносила события аварии, у меня просто появлялось знание (или воспоминание?) о том, что в моей реальной жизни тоже была потеря родителей, но их лица были за каким-то густым туманом. А тут я держу в руках медальон, где изображены именно мои родители!

Вчера в памяти всплыло имя погибшей сестренки, а что касается имен родителей — полная тишь. Просто мама и папа. И даже сейчас, любуясь на их портреты, я никак не могла вспомнить их имена!

— Папа Варлин и мама Офелия, — с любовью прошептала тут Софи и нежно прошлась подушечкой пальца по их лицам. — Они тут такие красивые! Как живые!

— Да... — прошептала я, повторив жест сестренки. — Красивые... Ты отдашь мне его?

— Конечно, он же твой! — ответила девочка. — У меня такой же! — и она выдернула из-за кружевного ворота бирюзового платья похожий на мой медальон. — Мама с папой заказали их специально для нас!

— Спасибо! — от чистого сердца сказала я, закинув тоненькую серебряную цепочку на шею и спрятав памятную вещицу на груди.

Мы еще немного поговорили о родителях, а потом пришла Элеонора со служанкой, которая принесла тазик с теплой водичкой для умывания и мягкое пушистое полотенце. Софи убежала к себе.

— Сейчас принесу завтрак, — улыбнулась служанка, приседая передо мной, и унесла тазик.

— Мне бы... — попыталась я намекнуть на физиологические потребности несколько иного плана.

— Ох, дорогая, давно терпишь? — участливо спросила меня Элеонора. — И как я не подумала, что ты могла забыть и об этом!

— О чем же?

— Андреас с графом позаботились, чтобы ты не испытывала неудобства по поводу посещения туалета. Вот здесь, — женщина показала на небольшой рычажок на боку кровати, — есть приспособление, которое приводит твою кровать в положение кресла.

Элеонора поправила под кружевным чепчиком свои вьющиеся рыжие волосы и продемонстрировала этот механизм.

Кровать абсолютно бесшумно начала тихонько складываться пополам, поднимая верхнюю часть моего туловища, отчего я оказалась в сидячем положении. Я с интересом ждала дальнейших действий своей невольной няньки. Сесть-то я села, но что делать теперь?

— Потом нужно аккуратно подвинуться вправо и нажать вот на эту кнопку, — указала она на неприметную кнопочку, похожую на обтянутую тканью пуговичку. — Раскроется небольшое отверстие, куда и сможешь справлять нужду. Потом делаешь все то же самое, только в обратном порядке. С этого же края кровати есть небольшая полочка для туалетной бумаги и для средств личной гигиены.

— А как же... все, что из меня выйдет, куда оно денется? Так и останется тут? — сморщила я носик.

— Нет, конечно, дорогая, здесь великолепная канализационная система, все

автоматически смоеется, — успокоила меня Элеонора, а я удивилась, что, несмотря на отсутствие автомобилей и другой техники, в некоторых вопросах наука здесь вполне ушла вперед.

Оставив меня справлять нужду, женщина вышла, а я, быстренько справившись со всем, вернула кровать в исходное положение. Тут и завтрак поспел.

Я подумала, что могла бы оставить кровать в форме кресла, но служанка заверила, что мне будет удобнее покушать, прислонившись спиной к взбитым подушкам, и заставила переносной столик пышными горячими блинами и различными джемами, которые я запила душистым травяным чаем.

Все это время рядом со мной вертелась Софи, которая решила составить мне компанию на весь день. Похоже, новый вариант сестры, переставшей истерить и плакать по любому поводу, нравился ей гораздо больше, хоть девочка и огорчалась, в очередной раз услышав на свой вопрос: «А помнишь?..» отрицательный ответ.

Ближе к обеду к нам заглянул Андреас, вернувшийся из города, куда он отправился по своим делам. «Интересно, а с кем он живет? И где?» — подумала я, о чем его и спросила, улучив момент.

— В последнее время я служу в канцелярии у короля Дария, поэтому приходится жить в городе, — пояснил он мне. — Кстати, родители мои, твой дядя и тетя по материнской линии, передают тебе искренние пожелания быстрее поправиться! Я им рассказал, что у тебя временная потеря памяти, и попросил пока не беспокоить своим приездом. Но как только ты поправишься, они будут рады тебя посетить!

— Спасибо! — искренне поблагодарила я. — Передавай им тоже приветы!

— Непременно! — улыбнулся парень. — Как у тебя успехи? Вспомнила кого-нибудь?

— Родителей, кажется, вспомнила, — неуверенно заявила я. — Лица их узнала, но нет никаких воспоминаний, связанных с ними.

— Но ведь это уже продвижение! — обрадовался мой кузен. — Я уверен, постепенно все вернется на круги своя.

— Расскажи мне тоже что-нибудь, — попросила я его, приглашая присесть рядом с собой.

— О чем же? — спросил он.

— О чем хочешь, — пожала я плечами. — В настоящее время моя память — почти как чистый лист, очень мало знаний вообще. Может быть, что-нибудь поможет пробудить мои воспоминания о моем далеком прошлом или хотя бы о настоящем...

— А хочешь, расскажу последние дворцовые сплетни? — лукаво прищурился Андреас.

— Давай, — приготовилась я к увлекательному рассказу.

— В последнее время все активно обсуждают женитьбу молодого герцога Густава Ксорда, — начал кузен, усевшись, закинув одну ногу, на край кровати и сцепив пальцы на колене. — Его Величество Дарий издал указ: всем молодым дворянам старше тридцати лет в обязательном порядке нужно сочетаться браком, чтобы в стране не было старых холостяков, живущих только в свое удовольствие!

— И почему же обсуждают именно герцога, если указ касается всех дворян? — спросила я.

— Потому что он наотрез отказался его выполнять!

— А указ его напрямую касается?

— Естественно, ведь ему уже тридцать пять! — воскликнул Андреас с каким-то азартом.

— И что же теперь будет? — поинтересовалась я. — За это, надеюсь, не казнят?

— Нет, до этого дойти не должно, — усмехнулся парень. — Но общество разделилось напополам и теперь ускоренно делает ставки. Одна часть ставит на то, что герцог не выдержит давления и будет вынужден жениться, а вторая — на то, что милорд скорее откажется от титула, но не приведет домой жену!

— Отчего же он так боится женитьбы? Неужели он женоненавистник в принципе?

— Не думаю, что он действительно мизогинист, кузина, — хитро прищурился Андреас. — Иначе не заводил бы романов на стороне. Скорее, он на самом деле не хочет пока связывать себя ответственностью за другого человека, за семью.

— Не нагулялся, одним словом, — фыркнула я с презрением.

— Возможно, — согласился зеленоглазик. — Остается только радоваться, что у меня пока есть время до моих тридцати!

— А сколько тебе?

— Двадцать четыре!

— Ну, за шесть лет король вполне может отменить этот свой указ, — успокоила я его, а потом в шутку немного пострадала. — А может и новый издать, чтоб женились уже в двадцать пять!

— Не дай боги! — устремил взгляд в небо и поднял руки Андреас. — Я так еще молод! Я даже жизни не видел!

Не выдержав, я расхохоталась, ко мне тут же присоединился и кузен.

На наш смех прибежала Софи и заглянула Элеонора, которая, умильно прижав пухлые ручки к груди, воскликнула:

— Как долго эти стены не слышали такого веселого смеха!

А потом вполголоса пробормотала, но я все же услышала, как она сказала:

— Слава богам, что она потеряла память, а очнулась прежней жизнерадостной Эвелиной!

День прошел очень быстро и оставил после себя приятное послевкусие. Я уже не смущалась этих людей, пусть общего прошлого с ними у меня не было, но? начиная со вчерашнего дня, мы начали неплохо ладить.

Мне даже начало казаться, что, лишив меня возможности ходить, судьба, тем не менее, одарила меня любящими родственниками.

Ведь в той жизни я была абсолютно одна. Да, я постепенно привыкла к одиночеству, научилась с этим жить. Стала самостоятельной. Решительной. Наверное. Потому что настоящих, конкретных воспоминаний у меня не было и из той жизни.

Единственное, что мне, кажется, было точно известно, это что у меня была подруга. Та самая белокурая девушка из сна.

Но если я сейчас здесь, то, получается, в той жизни меня нет? Меня насмерть сбила машина? Представила, что ощутила моя подруга, узнав об этом. Мне бы самой, например, было очень плохо, сообщи мне кто-либо о несчастном случае с ней! Бр-р-р, даже подумать

страшно!

Заметив смену моего настроения, Андреас заботливо поинтересовался:

— Что с тобой, Эви? Вспомнилось что-то неприятное?

— Нет-нет, — постаралась я его успокоить, ведь не буду же признаваться, что вспомнила свою предыдущую жизнь!

Думаю, будет сложно объяснить то, что со мной произошло! Как я оказалась вдруг в теле их любимой Эви, и где, в конце концов, сама девушка, вернее, ее душа? Неужели... умерла при падении? А если это действительно так, то как воспримут этот факт ее близкие? Смогут ли они смириться с тем, что в теле любимой кузины, сестры... и так далее, теперь обитает совершенно посторонняя девушка, притом даже не из этого мира? Если честно, проверять это не хотелось. Да и что я могу сделать с уже свершившимся? Вернуться в свой мир я не могу, просто не представляю, как это сделать! Да и есть ли мне куда возвращаться?!

Испугавшись своих мыслей, я мотнула головой и решила отвлечься.

— Андреас, а у меня были подруги? — спросила я у кузена, постаравшись принять безмятежный вид.

— К сожалению, в последнее время ты не хотела никого видеть, — осторожно начал он.

— Понятно, значит, не было! — подвела я итог, перебив парня.

— Не спеши, дорогая! — одернула меня Элеонора. — К тебе ведь иногда заезжает Теона, дочь нашего соседа, графа Кириака.

— Да? И о чем мы с ней говорим?

— Ну, в основном, это она рассказывает тебе всякие новости, а ты просто слушаешь ее и изредка поддакиваешь.

— То есть, мы с ней даже не подруги, а просто приятельницы?

— Наверное, ты права, — пришлось согласиться доброй женщине. — Но ты сама со всеми порвала после несчастного случая, Эви, поэтому не обижайся на них, — добавила она осторожно.

Знать бы еще на кого — на них? Но Элеоноре я ответила вполне спокойно:

— Конечно, Элеонора, я ни на кого не обижаюсь! Просто хотела узнать, кого еще я забыла, если вдруг ко мне кто-либо придет с визитом...

Оказалось, что прийти-то и некому. Ну и ладно, меньше головной боли! Ведь чем больше вокруг меня людей, тем больше информации мне придется запоминать. А так хоть смогу постепенно разузнать все об этом мире и о жизни Эвелины от близких ей людей.

Кстати, вечером, как и обещал, в гости заглянул старый граф Седрик. Он был немного запыхавшийся и возбужденный, о чем говорили горящие азартом, не потерявшие своей выразительности, карие глаза с золотыми крапинками.

Прямоком подойдя к моей кровати, он взял меня за руки и поочередно поцеловал их сухими старческим губами.

— Как ты, девочка моя? — спросил он, усаживаясь рядышком в кресло. — Память возвращается?

— Увы! — развела я руками.

— А может, это и к лучшему? — проговорила Элеонора, которая сидела за вышиванием в углу у маленького столика, на котором стояла фигурная настольная лампа, очень похожая на электрическую. — По сравнению с тем, что было до потери памяти, Эвелина выглядит гораздо лучше и веселее. Мне кажется, не стоит насильно заставлять ее вспоминать прошлое, в котором больше грустного, чем полезного.

— А как же все мы? — озадачился граф. — Она так и не вспомнит нас?

— Но ведь ей самой намного спокойнее заново знакомиться со всеми нами, чем опять впадать в депрессию по поводу пережитых несчастий, разве не так? — включился Андреас. — Вот скажи, Эви, ты согласна со мной?

Согласна ли я? Да ты шутишь, Андреас! Разве не этим я сейчас усердно занимаюсь, стараясь войти в курс всех происходящих вокруг меня событий? Мне захотелось радостно завопить, что для меня это наилучший вариант!

Но кузену я постаралась ответить как можно спокойнее:

— Думаю, это как раз то, что нужно!

— В таком случае, Эви, ты просто спрашивай то, что считаешь для себя нужным и интересным, — предложил мне кузен, — а мы постараемся всё тебе разъяснить, чтобы ты не чувствовала себя какой-то иноземной пришельцей!

Как точно он подметил мое состояние! Если бы не доброжелательная улыбка на его губах, я бы, наверное, испугалась, что меня разоблачили! Но никто не стал на этом акцентировать внимание, поэтому я с облегчением выдохнула и просто кивнула.

— Друзья мои! — заявил тут граф Седрик, привлекая к себе внимание. — Я хочу вам сообщить кое-что интересное!

— Что же это? — с интересом встрепенулась Элеонора и отложила пяльцы на столик. — Что-то, связанное с дворцовыми сплетнями?

— Ай-яй-яй, Элеонора! — укоризненно покачал головой старик. — Всё-то вас сплетни интересуют! А ведь такая приличная с виду дама!

— Ах, граф! — кротко хихикнула женщина. — Не осуждайте мою маленькую слабость! У меня слишком однообразная жизнь, позвольте ее разнообразить хотя бы приключениями других!

— Вам нужно было всё же принять предложение барона Гауза, тогда бы не сидели в четырех стенах, — шутливо упрекнул ее Седрик. — Барон ведь обещал вам показать мир!

— Не напоминайте мне про этого напыщенного старика! — попросила Элеонора, скривившись. — Знаю я, какой мир он мне собирался показать! Животный и растительный — свои поля и свинофермы! Уж увольте меня! Я не собираюсь становиться экономкой у старого зануды и скряги!

Возмущение Элеоноры прозвучало настолько искренним, что все фыркнули, а вскоре, не выдержав, расхохотались.

— Успокойтесь, Элеонора! Никто не планирует отдавать вас замуж за барона! — проговорил Михель, смахивая слезы от смеха с уголков глаз. — Но вы, как всегда, правы! Я хотел рассказать вам о том, что происходит во дворце.

— Вы про последний указ короля? — спросил Андреас.

— Да, мальчик мой! — кивнул граф. — Я вижу, вы уже в курсе содержания этого указа?

— О да! — прыснула я снова. — Андреас уже сегодня беспокоится о том, что его вскоре тоже женят в принудительном порядке!

— Ну, ему еще рано жениться! — сказал старик, с удовольствием усаживаясь в кресло и вытягивая ноги.

— Вот и я о том же! — обрадовался парень.

— Впрочем, речь не о тебе, друг мой! — взглядом попросил его успокоиться граф. — Речь о нашем соседе — герцоге Густаве Ксорде.

— Так чем же закончилось его противостояние? — спросил Андреас с интересом.

— Дарий Пятый поставил ему ультиматум: либо за эту неделю герцог представит во дворце свою избранницу, либо король сам подберет ему невесту, и Густаву останется только узаконить этот брак.

— Ничего себе, как жестко! — воскликнула я. — А что, остальные запросто послушались короля?

— Как ни странно, из всех двадцати трех холостяков, которых касается указ короля,

только герцог взбрыкнул! — пояснил граф. — У остальных, видимо, уже были на примете потенциальные невесты. Так что в течение следующего месяца по всему королевству будут проходить свадьбы! А значит, вся Юдора будет праздновать!

— Здорово! — улыбнулась я.

Свадьба — это хорошо! Особенно, если женятся по любви.

Перед глазами появилась размытая картина: много нарядно одетых гостей, поджидающих у дверей какого-то величественного здания приезда жениха и невесты, радостный галдеж, взрывы смеха, улыбочивые лица...

Но тут резко сжало острой болью виски, отчего перед глазами потемнело. К горлу подкатила тошнота. Боже, что со мной?! Схватившись обеими руками за голову, я крепко зажмурила глаза и прикусила губу, чтобы не застонать. Боль отступила так же, как и накатила.

Переждав две-три секунды, распахнула глаза и увидела, что никто не успел заметить моего состояния. Граф продолжал что-то весело рассказывать, Элеонора и Андреас слушали, чуть ли не раскрыв рты, а Софи вовсе не было в комнате, видимо, я просто пропустила ее уход.

— Неужели Дарий Пятый пойдет на это? — всплеснула тут руками Элеонора и оглянулась на меня. — Представляешь, Эви?

— Прости, я, кажется, отвлеклась, — виновато улыбнулась я. — Ты о чем?

— Граф говорит, что наш король пригрозил герцогу отлучением от двора!

— А-а-а! — протянула я, возвращаясь к теме разговора. — Ну, я думаю, герцог не настолько приверженец холостяцкой жизни, чтобы рушить свою жизнь. Да, дядя Миха?

— Умница моя! Всё-то ты понимаешь! — радостно улыбнулся граф. — Как мне приятно, что ты меня снова так называешь! Я тоже уверен, что герцог примет меры и постарается самостоятельно найти себе подходящую невесту, которая согласилась бы смотреть на все его похождения сквозь пальцы в обмен на обеспеченную жизнь и не портила бы ему нервы своими капризами и жалобами. Ведь кандидатки короля могут оказаться теми еще стервами!

— Значит, в выигрыше окажутся те, кто поставил на его женитьбу! — радостно хлопнул в ладоши и потер их друг о друга Андреас.

— А что это ты светишься, дорогой? — подозрительно посмотрел на него граф. — Неужто тоже решил подзаработать на дворцовом тотализаторе?

— А что в этом такого? — пожал плечами молодой человек. — Главное — правильно поставить деньги!

— Только прошу тебя, не увлекайся этим! — предупредил Седрик парня. — Азартные игры, как правило, до добра не доводят!

— Ну что вы, граф! — успокоил его Андреас. — В первый и последний раз! — и подмигнул мне, пока граф этого не видел.

Я лишь шутливо погрозила пальчиком в ответ. Насколько я успела узнать своего кузена, он был отнюдь не послушным мальчиком! Но это, наверное, в его годы абсолютно нормально.

Меня больше беспокоило внезапное ухудшение собственного состояния, которое так же быстро и прошло. Вспомнив, что подобное со мной происходило и вчера, когда неожиданно перед глазами пролетел эпизод с аварией, я пришла к заключению, что такое состояние — отголосок воспоминаний моей прошлой жизни. А значит, и свадьба, так не к месту

вырвавшая меня из рассказа графа, когда-то происходила в моей жизни. Правда, чья это была свадьба, я так и не вспомнила.

Глава 8

Жизнь постепенно налаживалась. С каждым днем моих знаний об этом мире становилось больше. Конечно, все это — благодаря ежедневным беседам с моими новыми родственниками и друзьями. Они, сами того не замечая, вводили меня в курс всех сторон жизни в Юдоре.

Если Софи увлеченно рассказывала мне о нашем прошлом, о родителях и общих знакомых, то Элеонора, действительно любительница всех сплетен и слухов, с удовольствием делилась ими со мною, невольно приобщая меня к дворцовым традициям и устоям.

Андреас развлекал меня историями молодых приятелей-аристократов, так что к концу недели я уже могла по его рассказам, даже ни разу не увидев их воочию, различить его друзей Стефана, Лекса, Леона и Берта.

Граф же все не оставлял попыток вернуть мне память, хотя и старался лишней раз не ранить мою психику воспоминаниями о том злосчастном зимнем вечере, когда я не только лишилась родителей, но и утратила способность передвигаться.

Со своей увечностью я тоже потихоньку смирилась. Часто, стараясь вспомнить свою прошлую жизнь в своем мире, я задавалась вопросом: «Стоило ли судьбе спасти мою жизнь, если в обмен я получила такую — малоподвижную, лежачую, жизнь калеки?» Ответ, как правило, зависел от того настроения, в котором я пребывала в те моменты. Но чаще всего я была рада этому подарку судьбы.

Пусть моя жизнь однообразна, как любит повторять Элеонора, но меня окружают любящие меня люди, которым я нужна, несмотря на свою убогость, и к которым у меня тоже появились очень теплые и нежные чувства! Подспудно я понимала, что здесь мне гораздо лучше живется, чем в своем мире, где я вынуждена была пробивать себе дорогу по жизни, потому что оказалась в совершенном одиночестве. Здесь же у меня были родные, близкие мне люди. И здесь я ощущала себя нужной!

Был уже ранний вечер, когда семья была в сборе, и по традиции собралась она в моей комнате. Как ни странно, я считала своей семьей не только сестренку Софи и кузена Андреаса, но и Элеонору с графом.

По вечерам мы играли в одну забавную игру, очень похожую на наш «Крокодил» (о чем я вспомнила в один из вечеров, вновь пережив острую боль в висках). Особенно нравилась эта игра Софи, которая заразительно хохотала, когда никто не мог угадать, кого или что она изображает в этот раз. Пусть получалось у нее не очень понятно, но мне нравилось наблюдать, как у девчушки от восторга загорались ее пронзительно синие глаза, когда она пыталась показать, как королева сидит на троне рядом с королем и умильно улыбается придворным на приеме. Это больше, конечно, напоминало жмурящуюся от удовольствия кошечку, наевшуюся сметаны, но все мы убеждали малышку, что у нее получается просто отлично!

Кстати, мне-таки удалось на себя полюбоваться! В один из дней Элеонора затеяла мне ванную, после которой по ее приказу служанка принесла большое напольное зеркало, где я смогла себя рассмотреть.

Мы с Софи оказались очень похожи! Такие же яркие синие глаза, выглядящие на моем бледном лице еще больше и ярче, чем у сестренки, белокурые волнистые волосы,

достигающие поясицы, аккуратный прямой носик и пухлые алые губы, оттеняющие чуть заалевшие от горячей воды щеки. Тонкие руки и длинная тонкая шея выглядели совсем не костляво, несмотря на то что и упитанной меня было нельзя назвать. Честно говоря, я себе очень понравилась! Если бы не ноги, я могла бы оказаться очень завидной невестой для любого аристократа! Но ноги... мои ноги...

Ну и что! Пусть! Ведь ни о каком замужестве я не мечтала! Так стоит ли об этом вообще задумываться? Мне и так хорошо — в окружении своей семьи я счастлива!

Итак, был ранний вечер, и мы играли в «Угадайку», где ведущей в очередной раз была моя смешливая сестренка, когда в комнату вошла служанка и объявила, что у нас высокий гость.

— Кто? — спросила Элеонора, вставая с места и подходя к двери, чтобы встретить незваного визитера.

— Его Светлость герцог Густав Ксрд! — с особым трепетом объявила служанка, невольно поднося руку к зарумянившейся от волнения щеке. — Извольте впустить?

— Ах, Кити, что за вопрос! — всполошилась Элеонора. — Конечно, пригласи! Проведи его в гостиную, мы сейчас подойдем!

Служанка второпях убежала исполнять поручение, а Элеонора растерянно посмотрела на графа:

— Ваше Сиятельство, граф, вы же примете его?!

— Успокойтесь, Элеонора! — произнес граф, который, в противовес своему совету, отнюдь не выглядел спокойным. — Конечно, мы встретим его! Андреас, мальчик мой, ты со мной?

— Да, граф, пойдете! — Андреас тоже был удивлен, но в то же время в нем угадывалось и любопытство.

— Интересно, что ему тут понадобилось? — пробормотал граф, застегивая последнюю пуговицу на сюртуке. — Софи, Эвелина, девочки, думаю, вам лучше оставаться здесь, в комнате!

— Да, дядя Миха! — ответила Софи, а я лишь улыбнулась уголками губ.

Как бы я вышла из комнаты, даже если бы и захотела?

— Эх, вот бы взглянуть на этого герцога одним глазком! — мечтательно произнесла Софи, когда мы остались одни. — Говорят, он очень красивый!

— Ах ты, маленькая кокетка! — рассмеялась я. — Тебе сколько лет? Десять? А ему уже тридцать пять!

— Ну и что? — капризно топнула она ножкой. — Через шесть лет я уже смогу выйти за него замуж!

— Дорогая, ты не забыла, что ему уже нужно жениться на этой неделе? — напомнила я так смешно насупившейся малышке. — Или ты надеешься, что к тому времени он успеет овдоветь?

— Ой, а я и забыла! — прикусила губу Софи. — Даа, придется рассмотреть другие варианты!

— Не волнуйся, сестренка, к тому времени, когда ты вырастешь, будут уже другие красавцы! Но внешность — еще не гарантия красоты внутренней! У тебя будет возможность узнать претендента на твое сердце получше. И я уверена, что ты сможешь выйти замуж по любви, дорогая!

— Спасибо тебе, Эви! — подскочила она ко мне и крепко обняла за шею. — Вот

увидишь, ты тоже выйдешь замуж по любви!

У меня сжалось сердце от нежности к сестренке. В ответ я крепко ее обняла и прошептала:

— Боюсь, это уже не про меня!

Так, в объятьях друг друга, и застала нас Элеонора, которая зашла в комнату и откашлялась, словно у нее внезапно пропал голос.

Мы с Софи посмотрели на женщину. Она была очень бледной, лишь шея была в красных пятнах, отчего веснушки и рыжие волосы выглядели искусственно нарисованными.

— Что с тобой, Элеонора? — спросила я с беспокойством, потому что она так и стояла с ошарашенным видом, не произнося ни слова. — Тебя что-то напугало?

— Эви... Эвелина... — наконец выдавила она. — Эви, там...

Софи, увидев всегда жизнерадостную Элеонору в таком раздрае, тоже забеспокоилась.

— Элеонора, тебе принести воды? — спросила она, подходя к женщине и беря ее за пухлую руку.

— Да, деточка, сходи... пожалуйста, — пролепетала та и подошла к моей кровати.

Софи убежала на кухню за стаканом воды, а Элеонора, присев ко мне, неуверенно взяла меня за руку.

— Не пугай меня, Элеонора! — пришлось улыбнуться через силу, чтобы успокоить ее и себя. — Расскажи, что случилось?

По мелкой дрожи ее рук я уже догадалась, что сейчас мне сообщат не очень хорошую весть. Но такого я не ожидала! Еще раз прокашлявшись, Элеонора произнесла хриплым голосом:

— Эви, дорогая, Его Светлость пришел к тебе!

— Ко мне?! — от удивления я привстала, и сама не заметила, как сильнее сжала пальцы Элеоноры. — Зачем?

— Он... — женщина поджала губы, а потом, словно бросилась головой в омут, скороговоркой произнесла. — Он пришел просить твоей руки!

— Правда?! — звонко спросила Софи, которая в этот момент принесла Элеоноре воды. — Этот красавчик хочет жениться на Эви?

Женщина, как болванчик, лишь покивала головой.

— Здорово! — воскликнула сестренка, всучив ей в руки стакан. — Это же здорово, Эви! Ведь правда?!

Я же лишь упала на подушки и крепко зажмурила глаза. В голове крутились давешние слова графа Седрика: «Я уверен, что герцог примет меры и постарается самостоятельно найти себе подходящую невесту, которая согласилась бы смотреть на все его похождения сквозь пальцы в обмен на обеспеченную жизнь и не портила бы ему нервы своими капризами и жалобами».

Вот кто ему подходит на роль такой невесты! Я! Калека, лежащая жена, которая не будет вякать, как бы ей не нравилось, что супруг ее будет гулять направо и налево, потому что сама она удовлетворять его потребности будет не в состоянии!

Стало так больно и страшно, словно именно сейчас решалась моя судьба! И притом я понимала, что как бы ни сложилось, результат будет не в мою пользу! Если я приму предложение герцога, я окажусь заложницей в его доме, где рядом со мной не будет моих близких и любимых! Не говоря уже о том, что отношение ко мне и самого герцога, и всех аристократов будет презрительным и унижительным!

Но если я сейчас не соглашусь, то герцог не оставит нашу семью в покое! Не зря же он

пришел к нам в последний день того срока, который ему выделил король! Видимо, все предыдущие его попытки найти подходящую жену не увенчались успехом. И если завтра он не назовет имя своей невесты во дворце короля, он окажется связан с неугодной для него девушкой. И кому он будет мстить? Думаете, королю? Как бы не так!

Боюсь, мальчиком, то бишь девочкой для битья окажемся я и моя семья! Ведь я хорошо помнила и те слова графа Седрика, когда он сказал, что для герцога Ксорда нет ничего святого!

Что же мне делать?!

— Эви, солнышко! Открой глаза! — разобрала я тревожные слова Элеоноры, которая легонько гладила меня по щекам. — Посмотри на меня, дорогая! Если ты не хочешь за него замуж, тебя никто не заставит, солнышко! Давай я ему так и скажу? Что ты не принимаешь его предложения? Хочешь? Тебе даже видеть его не нужно!

— Нет, Элеонора! Пожалуйста! — пролепетала я. — Не говори пока ничего! Мне нужно подумать!

— Боюсь, у вас нет времени, чтобы подумать! — раздалось вдруг от двери.

Распахнув глаза, я увидела высокого брюнета с почти черными глазами, которые прожигали меня, словно два лазерных луча.

— Возможно, я поступаю не очень благоразумно, но я должен вам объяснить, почему мне нужен срочный ответ. И... более того, мне нужен положительный ответ! — бархатным низким голосом проговорил герцог.

При появлении герцога Элеонора и Софи застыли ледяными статуями. Они во все глаза смотрели на этого действительно красивого особенной, мужественной красотой, молодого человека, который вовсе не выглядел на свои тридцать пять. При всем желании ему можно было дать от силы лет тридцать, несмотря на его высокую, с широкими плечами, могучую фигуру и угольно черные волосы, такие же густые черные брови, чуть крупный нос с небольшой горбинкой и упрямые твердые губы, которые он сейчас поджал в ожидании моей реакции на свои слова.

— Слушаю вас, Ваша Светлость! — сказала я, рукой показав ему место в кресле недалеко от своей кровати. — Простите, что встречаю вас в таком положении, но, сами понимаете, встать я не могу...

— Вы не могли бы оставить нас наедине? — обернулся герцог к Элеоноре, прежде чем воспользоваться моим приглашением.

Женщина быстро схватила Софи за руку и ретировалась вместе с ней из комнаты. Сестренке очень не хотелось уходить, но у нее не было никаких шансов выдернуть руку из крепкой хватки Элеоноры.

Как только за ними закрылась дверь, герцог в два шага достиг кресла, но, заметив, что оно достаточно далеко от кровати, неожиданно уселся рядом со мной, на краешек. Я невольно отодвинулась чуть дальше, чтобы сохранить хоть какую-то видимость дистанции между нами.

— Эвелина! — начал Густав Ксорд, легко завладев моей рукой, которую я не успела спрятать под одеялом. — Я прекрасно знаю о вашем состоянии, поэтому не нужно передо мной извиняться. Скорее, я должен извиниться перед вами за то, что вынужден вас просить выручить меня. Дело в том, что король...

— Я знаю о вашей проблеме, Ваша Светлость! — перебила я его совсем не вежливо. — И прекрасно понимаю, в чем состоит моя роль. Я — ваша ширма, не так ли?

— Ширма? — переспросил герцог, вздернув смоляную бровь.

— Ну, или подставная утка, называйте, как хотите, — буркнула я, нахмурившись. — Вы предлагаете мне фиктивный брак, ведь так?

— Я поражаюсь вашему уму, Эвелина! — произнес герцог с расстановкой, отчего мне показалось, что он надо мной просто издевается. — Вы очень догадливы и не по годам мудры! Однако вы не совсем правы!

— Не права? — пришла моя очередь выгибать бровь. — То есть вы сейчас не просите меня стать вашей мнимой женой лишь для того, чтобы избежать невесты, которую вам навяжет Дарий Пятый?

— В какой-то мере так и есть, — без всяких угрызений совести подтвердил герцог. — Я примерно предполагаю, кого мне подберет в качестве жены его величество. Уверю вас, если бы вы знали эту дамочку настолько, насколько ее знаю я, вы бы сами мне предложили помочь от нее «отвязаться», как вы только что выразились.

Я невесело усмехнулась. Полагаю, я не могла «знать» эту даму в том плане, в каком имел в виду молодой повеса. Заметив мою усмешку, герцог прошелся большим пальцем по моему запястью, напомнив о том, что моя рука все еще в плену его пальцев. Я хотела выдернуть ее и спрятать под легким одеялом, но кто бы мне позволил!

Подключив вторую руку, герцог крепче ухватил мою ладонь и даже положил ее к себе на колени! От его дерзости у меня перехватило дыхание. Я еле удержалась от того, чтобы не пройти ногтями по его руке!

Герцог между тем, словно не замечая моей злости на его наглость, продолжил, как ни в чем не бывало:

— Однако есть еще кое-что, о чем вы, скорее всего, не знаете!

— Что же это? — сквозь зубы выдавила я, все еще пытаюсь незаметно выдернуть свою руку.

— Не дергайтесь, дорогая! — заметил мужчина, вновь погладив мое запястье и вызвав этим толпу мурашек по всему моему телу. — Дело в том, что наши родители еще два года назад подписали одно соглашение...

— Соглашение? — вновь перебила я.

— Ну что ж вы такая нетерпеливая? — скривил губы в улыбке герцог. — Да, Эвелина, соглашение, согласно которому ваш отец передавал вас, Эвелину Клемент, в жены Густаву Ксорду, то есть мне, в обмен на долговую расписку, которая хранилась у моего отца.

— Я вам не верю! — вскричала я, выдернув, наконец, свою руку из цепких лап наглого красавца. — Я не товар, чтобы меня обменивать на что-либо! И отец не мог так со мной поступить! Он меня любил!

— Успокойтесь, милая, — моя вспышка, казалось, совсем не впечатлила герцога. — Разумеется, ваш отец вас очень любил! И очень долго сопротивлялся, прежде чем подписать бумаги. Но разум все же возобладал, и отец ваш выбрал более приемлемый вариант. Согласитесь, было бы намного хуже, если бы ваше имение и ваш дом пошли с молотка, а вы бы всей семьей оказались на улице!

— Я вам не верю! — упрямо повторила я. — Если бы дела обстояли так плохо, я бы об этом знала!

— Ах, как вы еще наивны! — притворно вздохнул герцог. — Вы думаете, вашему отцу было на руку, чтобы его хрупкие дочери начали переживать по поводу его банкротства? Уверю вас, даже ваша мать, прекрасная Офелия, была не в курсе всех жизненных передряг вашего отца!

Слушая разглагольствования мужчины, я напряженно пыталась найти выход из сложившейся ситуации. Неужели он не блефует? Неужели отец Эвелины мог пойти на такой

шаг?! Ведь иначе, как продажа, эту сделку и не назовешь!

Мне срочно нужно было посоветоваться с кем-нибудь! Граф! Он наверняка хоть что-нибудь об этом знает!

— У вас с собой это соглашение? — дрожащим голосом спросила я герцога, втайне надеясь, что ответ будет отрицательным.

— Разумеется! — твердо ответил он. — Его как раз сейчас изучает ваш опекун, граф Седрик. Думаю, он даст вам правильный совет, Эвелина. Я оставляю вас на время, но завтра с утра вновь приду к вам за положительным ответом.

С этими словами герцог встал с кровати и, любезно кивнув мне, вышел из комнаты, абсолютно бесшумно притворив дверь.

Я же хотела со злости что-нибудь кинуть ему в спину, благо, ничего под рукой не оказалось! Сжав зубы, постаралась успокоиться. Вдох-выдох, вдох-выдох, Эви! Дыши! Мы обязательно что-нибудь придумаем! Не может быть, чтобы выхода не было!

Не прошло и десяти секунд, как в комнату ворвались Элеонора, Андреас и Софи.

— Эви, солнышко! Как ты? — подлетела ко мне Элеонора. — Он тебя не обидел?

— О чем вы говорили, Эви? Он признался тебе в любви? — прошептала сестренка, наивная душа!

Андреас же молча взял меня за руку и ободряюще сжал, выражая поддержку и сочувствие.

— Где граф? — спросила я у них, оставив без ответа все вопросы.

— Я здесь! — откликнулся старый друг семьи и, как оказалось, мой опекун, входя в комнату с папкой для бумаг.

— Это оно? — ткнула я пальцем в папку. — Соглашение? Оно действительно существует?!

— Я сожалею, девочка! — вздохнул граф, опустив глаза.

— Можно мне самой почитать? — протянула я руку к проклятым бумагам.

Как оказалось, память моя сохранила способность читать и писать в этом мире. На гербовой бумаге витиеватым почерком было начертано следующее:

«Мы, нижеподписавшиеся, герцог Тармон Ксорд с одной стороны и граф Варлин Клемент с другой стороны, составляем данное соглашение о том, что при первом требовании герцога Ксорда, граф Клемент обязан передать свою дочь Эвелину Клемент в качестве супруги сыну герцога Густаву Ксорду в обмен на долговые векселя, составленные на имя графа Клемента, которые передаются графу при подписании соглашения. Время исполнения соглашения — по требованию первой стороны, то есть герцога Ксорда. Соглашение считается исполненным, когда обе стороны получают удовлетворение.

При неисполнении соглашения какой-либо стороной, потерпевшая сторона имеет право потребовать возмещения ущерба перед действующим королем Юдоры.

Соглашение составлено нотариусом в присутствии обеих сторон и скреплено подписями».

Я смотрела на бумагу и ничего не понимала. Разве можно вот так вот запросто решать судьбу человека? Разве не было другого способа избавиться от проблемы?

— Эви, девочка моя! — легонько тронул меня за плечо старый граф. — Я проверил, это действительно подпись твоего отца.

— Вы знали об этом, дядя Миха? — тихо спросила я.

— Клянусь, родная, я ничего не знал! Вернее, я кое-что слышал о том, что между

Варлином и Тармоном произошёл какой-то конфликт, но всегда верил, что твоему отцу как-то удалось все уладить...

— Он уладил, дядя Миха, — прошептала я. — Уладил...

— Неужели ничего нельзя сделать? — воскликнул Андреас со злостью. — Может быть, мне вызвать его на дуэль?

— Не городи ерунды, мальчик мой! — строго одернул его граф. — Где ты, и где он? Даже если он и согласится с тобой драться, у тебя нет ни единого шанса одержать над ним победу. Так не терпится последовать за дядей и тетей в мир иной?

— Андреас, обещай, что не будешь ничего предпринимать против герцога! — взмолилась я, понимая, что граф во всем прав. — Это решение моего отца, так что я не должна сопротивляться его воле!

— Но как же это? — заломила руки Элеонора. — Всем же ясно, что этот брак — сплошной фарс! Ты будешь страдать, Эви! Подумай, сможешь ли выдержать насмешки и унижения дворцовых интриганок? Ведь тебя никто не пожалеет, и каждая будет стараться досадить тебе рассказами о похождениях его светлости! А о том, что он изменит свой образ жизни после женитьбы на тебе, даже думать не стоит! Понимаешь?!

— Я все понимаю, Элеонора! — с горечью ответила я. — Но это моя судьба. Ведь как ни крути, а выбора у меня нет!

Софи, которая все это время молчком стояла в сторонке и ошарашенно переводила поочередно взгляд на каждого из нас, вдруг громко разревелась и кинулась мне на грудь.

— Эви! Дорогая моя сестричка! Я не отдам тебя ему! Я не знала, что он такой... такой... жестокий! Я думала, что он добрый и великодушный, раз такой красивый и сильный! Я не отдам тебя, ты слышишь, милая?! Не отдам!!!

— Софи, Софи! Успокойся, родная! — начала я гладить ее по спине, по волосам, по худеньким плечикам. — Все будет хорошо, вот увидишь! Он не жестокий, маленькая, это просто так сложилось... Все будет хорошо! Не плачь!

Еле успокоив сестренку, я впала в состояние, близкое к апатии. Не хотелось ни есть, ни спать, ни разговаривать...

Я пыталась вначале найти оправдание поступку отца, пробовала поставить себя на его место, искала пути решения проблемы. Ну не сам же он предложил меня в качестве откупа, надеюсь? Иначе теряло смысл само понятие «родительская любовь», а ведь Софи с восторгом вспоминала, как нас родители любили, холили и баловали...

Весь вечер в доме царила тревожная атмосфера, меня старались не оставлять в одиночестве, но их желание составить мне компанию меня начало попросту раздражать, и я попросила оставить меня одну, сославшись на то, что хочу спать.

С явным нежеланием со мной распрощались до утра, пообещав прийти ко мне чуть ли не с первыми петухами, на что я постаралась улыбнуться и успокоить всех, что все со мной будет хорошо, хотя собственной веры в эти слова не было ни на грош!

Промучившись полночи от невеселых мыслей, я погрузилась в тяжелый сумбурный сон. Несмотря на нерешенные проблемы в этом мире, снилась мне, как ни странно, прошлая жизнь. И увидела я вновь свою подругу.

— Ты же пойдешь со мной в ночной клуб? — заглядывая в глаза, умильно тянула она. — Ну пойдём! Пожалуйста-пожалуйста!

— Не могу, Лик, ты же знаешь, завтра у меня коллоквиум! А я еще не все темы просмотрела! Не хочу завалить предмет!

— Ну Вер! Ты же у нас отличница! Ты и так все знаешь! Ну выручи меня, давай сходим, там Серега с другом будет, а я обещала тебя привести! Все равно же у тебя никого нет? Давай сходим!

— Прости, Лика, не могу! — наотрез отказалась я. — Не нужно было обещать, не поговорив со мной. Ты же знаешь, я не люблю никуда ходить!

— Да ладно тебе, Вер! Столько времени прошло с тех событий, а ты все в трауре! Пора вернуться к жизни! Родители бы тебя не одобрили, увидев, как ты гробишь собственную молодость за зубрежкой! Ну что я скажу Сережке, если ты не пойдешь?

Мне стало как-то больно от этих слов подруги, поэтому я, сама не сознавая, что грублю ей, отрезала:

— Придумай что-нибудь, ты же хорошо соображаешь, хоть и не зубришь, как я!

Подруга надула губы, и красивое лицо приобрело плаксивое выражение.

— Мне Сережа строго-настрого наказал привести тебя! Если я заявлюсь одна, ему не понравится!

— Это уже ваши проблемы! — буркнула я, зарываясь в учебник. — Не впутывай меня, пожалуйста, в ваши отношения!

Подруга, поджав губы, отвернулась и вскоре громко хлопнула дверью комнаты, оставляя меня наедине с собой и с невеселыми мыслями о погибших недавно родителях и сестренке...

Хлопок дверью показался реальным и вырвал меня из неприятного сновидения. Голова снова звенела, губы были сухими, зато спина — мокрая.

Полежав минутку, я уложила в голове те новые сведения, которые мне подкинула память. Значит, подругу мою звали Лика, а меня саму — Вера? И опять это имя — Сережа, из-за которого мы, похоже, с подругой поссорились. Неужели из-за этой ссоры я и попала под автомобиль? Как? Почему? Ответов, как я ни пыталась рыться в закромах памяти, так и не нашлось...

Зато так некстати вспомнилось, что скоро наступит утро, и заявится герцог Ксфорд за «положительным ответом». А то, что он будет положительным, не было никаких сомнений ни у него, ни у меня. Да и мои близкие, скорее всего, уже смирились с мыслью о том, что я окажусь своеобразной заложницей обстоятельств, вынужденной расплачиваться за долги своих родителей...

Взглянув в окно, заметила, что солнце только-только расцветило своими яркими лучами горизонт. День обещал быть ясным и теплым. Лишь для меня он казался самым темным и неприятным днем, после, разумеется, дня гибели родителей. Как бы сердечко ни билось в осуждении поступка отца, но разум все же одерживал верх над чувствами. Достав кулон с фотографиями родителей, я долго смотрела на их лица, пытаюсь увидеть хоть какую-то двуличность или притворство, но с фотографий на меня все с такой же безграничной любовью взирали мои мама и папа, которые, не заставь их злой рок, никогда бы не отказались от собственных горячо любимых дочерей!

Так неужели я не оправдаю их доверия?! Клянусь тебе, папа, что я постараюсь не навлечь на твое имя ни малейшего осуждения, что попытаюсь стать очень сильной и мужественной, чтобы достойно преодолеть все испытания, выпавшие на мою долю!

— Я согласна стать вашей женой! — произнесла я твердо, когда Его Светлость, как и обещал накануне, с раннего утра пришел за моим ответом, чтобы отправиться на прием к королю и объявить о своем решении. — Можете сообщить об этом его величеству.

— Боюсь, вам придется самой сообщить ему об этом! — заявил при полном составе моей семьи герцог Ксфорд. — Вы едете во дворец вместе со мной!

— Как вы это себе представляете?! — воскликнула Элеонора, забывшись. — Это насмешка над бедной девочкой!

Герцог лишь поджал губы, не считая Элеонору достойной ответа. Но тут включился и граф.

— Ваша Светлость! Вы же в курсе, что наша Эвелина не может ходить? — стараясь быть вежливым, спросил он.

— Разумеется, граф! — произнес он вполне серьезно. — Поэтому я заранее озаботился некоторыми приспособлениями, чтобы решить проблему леди Эвелины. Грег! — крикнул он, обернувшись к двери.

В этот момент дверь отворилась и в проеме показалась кудрявая рыжая голова молодого слуги, который вкатил в комнату конструкцию, сильно напоминающую наши самоходные инвалидные коляски. Почему я так легко об этом догадалась, не имея толковых воспоминаний о своей предыдущей жизни? А черт его знает! Просто пришло в голову, как само собой разумеющееся. Даже появилась следом мысль о том, что могла бы давно сама об этом вспомнить и попросить графа соорудить для меня нечто подобное. Но... мысль как пришла, так и ушла. Тем более, как бы я объяснила, откуда у Эвелины такие идеи?

Между тем слуга подкатил кресло ближе к моей кровати и вопросительно уставился на хозяина.

— Прикажете пересадить леди? — спросил он у герцога, а тот, в свою очередь, впериł взгляд жгучих глаз на меня.

— Думаю, мне нужно переодеться, — смогла я наконец выдавить из себя хоть что-то вразумительное. — Я не готова к приему у короля.

Его Светлость учтиво оставил меня на попечение Элеоноры и служанок, а сам с графом и Андреасом вышел обсудить вопросы моего замужества.

В шесть рук меня быстренько переодели в красивое голубое платье с белыми ажурными вставками, соорудили несложную прическу и пересадили в кресло, прикрыв мои ноги теплым пледом в тон моему платью. Мне никогда не приходилось рассматривать подобного рода коляски вблизи, тем интереснее было изучить функциональность этого чуда техники. Ведь судя по тому, с какой опаской смотрели женщины на это кресло, подобного им в жизни видеть не приходилось!

На подлокотниках кресла с обеих сторон были расположены рычажки и кнопки, правда, нажимать самостоятельно на них я не рискнула: если надо будет, герцог сам позже введет меня в курс дела.

— Можете сообщить его светлости, что я готова, — сказала я Элеоноре, предварительно несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, чтобы вернуть себе спокойствие и самообладание.

Может быть, я чересчур самонадеянна, но, раз приняв решение, я не собиралась от него отступаться. Если цена сохранения репутации семьи Клемент — мое заточение в поместье герцога Ксфорда, то, значит, так тому и быть! А уж несколько часов унижения во дворце короля я, надеюсь, сегодня выдержу!

Когда Густав Ксфорд вошел в мою комнату, его встретила ледяная статуя, восседающая на инвалидном кресле, словно на троне. Я не собираюсь играть перед молодым герцогом особу хрупкую и впечатлительную. Если до этого я и была таковой, то предыдущая Эви умерла за прошедшую ночь, оставив после себя существо аморфное, безэмоциональное, готовое принять на себя любой удар судьбы. Ведь по-другому прожить, вернее, выжить, рядом с надменным ловеласом, наверное, просто невозможно...

— Леди Эвелина? — слегка склонил он голову, подходя к моему креслу. — Вы позволите сопроводить вас во дворец короля? Надеюсь, ваше решение не изменилось?

— Не изменилось, — равнодушным голосом ответила я. — Везите.

Прежде чем вызвать недавнего слугу, Грега, герцог удостоил меня пристальным взглядом обжигающих черных глаз, пытаюсь, видимо, понять столь разительную перемену в моем поведении, но я лишь чуть поджала губы и отвернулась. Не идиот же он, в самом деле, чтобы ожидать от меня каких-то теплых чувств?

Моя застывшая маска дрогнула лишь в момент прощания с родственниками, но и тогда я постаралась быстрее вернуть на лицо спокойное и ровное выражение. Не дело заставлять близких страдать из-за моей непутевой судьбы. Пусть живут в неведении того урагана чувств, которые я на самом деле испытываю в душе, холодно улыбаясь своему навязанному жениху...

Карета его светлости была поистине огромной, но объяснение этому нашлось сразу, как только меня по своеобразному пандусу прямо в кресле завезли внутрь и какими-то приспособлениями закрепили коляску к стенке. Так что ехать нам пришлось друг напротив друга, и, если бы в карете не было довольно большого окошка, я бы вряд ли выдержала полуторачасовую поездку под прицелом взгляда герцога. А так я пялилась в окно, тем более, на улице после чудесного попадания в этот мир оказалась впервые.

Первые полчаса мы ехали по сельским местам, через широкие поля с колосющимся урожаем (видимо, здесь все-таки уже середина лета, а не май!), проезжали небольшие лесочки и перелески, вдали даже промелькнула удивительно яркая небольшая речка, блеснувшая нам вслед солнечными зайчиками. Затем въехали в город, наподобие европейских старинных городов. Во всяком случае, брусчатка под колесами стучала довольно бойко и звонко, хотя карета, на удивление, шла очень ровно, без встрясок и покачиваний.

На улице города было не очень многолюдно. Изредка пробегали служанки в белых чепчиках с корзинками и баулами в руках. Прошло несколько вооруженных солдат, скорее всего, стража города, патрулировавшая улицы. Три человека стояли у магазина готовой одежды... Мимо проехало несколько карет, по размеру заметно уступающих герцогской, но тоже вполне достойных.

Наблюдая за всем этим, я постоянно ощущала на своем лице изучающий взгляд мужчины, сидящего напротив. И как ему не надоест на меня пялиться!

К счастью, уже минут через двадцать карета остановилась у роскошного особняка. Поневоле внутренне подобралась и решила спросить:

— Мы приехали?

— Да, — отозвался герцог, первым выбираясь наружу.

Не дожидаясь слуги, он сам спустил пандус и закрепил его. Подошедшему Грегу оставалось лишь аккуратно вывезти меня из кареты и поднять на не слишком высокий въезд в парадные двери. Увидев удобную эстакаду для инвалидной коляски, я немного опешила.

Неужели здесь так много калек, передвигающихся по городу в инвалидных креслах? Тогда почему эта конструкция вызвала трепетный ужас у моих домочадцев?

Не хотела выглядеть любопытной душой, но любознательный язык опередил мой трезвый разум. Сама удивилась, вдруг услышав собственный голос:

— И во всех домах есть такие удобные площадки? Для коляски?

— Нет, сударыня, Его Светлость господин герцог еще вчера только велел установить такую площадку у себя дома, — негромко ответил мне Грег, толкавший мою коляску.

Повернув голову, я заметила, что сам герцог задержался у кареты, давая какие-то указания скромно, но богато одетому слуге. Хорошо, что его не оказалось рядом! Не хотелось выглядеть в его глазах необразованной девчонкой, пусть и дала себе слово, что не буду расстраиваться из-за него, как бы он себя не повел и как бы меня не унизил! А это значит, нужно общаться с ним как можно реже!

Воспользовавшись тем, что герцога поблизости нет, решила поговорить с Греггом.

— Значит, мы сейчас стоим у дома господина герцога, Грег?

— Совершенно верно, госпожа! Это его резиденция в столице. Насколько я знаю, он за прошедшую неделю провел здесь некоторую перепланировку, чтобы вам было удобно передвигаться по дому.

— Неделю? — удивилась я.

Ведь о том, что Его Светлость собрался на мне жениться, стало известно только вчера? Разве не в самую последнюю очередь он был вынужден рассмотреть мою кандидатуру на роль герцогини Ксфорд?

— Но... — начала было я, но тут же осеклась, заметив рядом с собой могучую фигуру герцога.

— Вы хотели что-то спросить? — тут же отреагировал он.

Я лишь мотнула головой, понимая, что пока не готова к таким разговорам, тем более на пороге дома.

— В таком случае, добро пожаловать домой, леди Эвелина! — несколько театральным жестом Густав указал на дверь, которая в ту же секунду широко распахнулась, словно кто-то невидимой стоял на стреме в ожидании знака от хозяина.

Неужели и тут какие-то сверхнавороченные технологии? Интересно, герцог настолько богат, чтобы позволить себе все самое современное, или сам и придумывает все эти чудеса техники, впоследствии внедряя их в свой быт?

Передернув плечами, решила, что смогу обо всем узнать со временем, раз уж оказалась с ним на одной территории. Не могу же сама я начать его расспрашивать? Слишком много чести! Хотя любопытство мое уже основательно так свербело в одном месте!

Тут кресло подтолкнули внутрь, и я с облегчением вспомнила, что у меня же теперь есть собственное бюро справок: Грег! Надеюсь, молодой слуга так и останется при мне водителем моего транспортного средства. Не думаю, что герцог собирается проводить со мной много времени. Скорее всего, я буду довольствоваться обществом приставленных ко мне слуг. Вот тогда-то я хорошенько и спрошу обо всем у Грега, не рискуя натолкнуться на презрительный или высокомерный взгляд! Ведь он, похоже, совсем не против со мной делиться разными новостями, касающимися жизни своего хозяина...

Как только мы оказались посреди просторного холла, Его Светлость два раза хлопнул в ладоши. Со всех сторон за считанные секунды набежало человек двадцать прислуги обоих полов. Одетые все в симпатичные форменные одежды, сочетающие темно-синий и светло-голубой цвета, они смотрели с долей обожания на своего господина и с некоторым любопытством — на меня.

Внезапно я осознала, что случайно вырядилась почти в те же цветовые оттенки, и теперь невольно ощущала себя бедной родственницей, оказавшейся среди богатой родни. Чувства, скажу я вам, совсем не комфортные, особенно если учитывать еще мою физическую ущербность!

— Дорогая Эви, позвольте вам представить нашу прислугу. Это — Максимилиан, наш дворецкий, — вперед вышел старый интеллигентного вида сухой мужчина с щедрой сединой в волосах. — Это экономка, леди Зарина, — указал он на фигурную шатенку с ореховыми

глазами, которая с чуть заметной неприязнью присела передо мной. — С остальными слугами, думаю, вы познакомитесь позже. Леди Зарина, выделите, пожалуйста, госпоже Эвелине личных горничных. Через два часа нам нужно выехать во дворец на аудиенцию к королю, пусть постараются привести ее в надлежащий вид!

С этими словами герцог слегка кивнул мне и отправился куда-то в сопровождении Максимилиана, а я осталась сидеть посреди холла в инвалидной коляске под обстрелом почти полусотни глаз, внутренне закипая от его слов про мой надлежащий вид. Думаю, еще изощреннее назвать меня безвкусной оборванкой ему бы просто не удалось!

Скрипнув зубами, я попросила елейным голоском Грега сопроводить меня в мою комнату, раз уж самому герцогу было недосуг это сделать. Ведь если уже неделю он готовил дом к моему переезду, то прислуга по крайней мере должна знать, в какой комнате меня поселят!

— Я сама вас провожу, Ваше Сиятельство! — приторно улыбнулась леди Зарина, перехватывая управление моим креслом. — Грегу как мужчине не пристало находиться в комнате незамужней графини, когда ее переодевают!

— Будьте добры! — решила я быть такой же вежливой хамкой. — Вы правы, это было бы совсем не прилично и вряд ли понравилось бы моему будущему мужу!

Пока Зарина везла мое кресло на второй этаж в импровизированном лифте(!), я успела наскоро подвести итог своим наблюдениям. Дом герцога, без сомнения, был многократно больше и богаче дома Клементов. Ну, тут уж, как говорится, сам бог велел, ведь герцог по статусу выше графа! Но интуиция моя вопила, что сам дом, вернее, дворец, отнюдь не подпадает под типичный дворец типичного аристократа.

Насколько я уже узнала тот мир, в котором оказалась по воле судьбы, здесь не должно было быть домов с лифтами! Не спорю, усовершенствованная под мое увечье кровать в доме графа тоже не продукт массового производства, но здесь таких конструкций, непривычных для данного мира, было очень и очень много!

Чего стоили самооткрывающиеся двери! Потому что я сразу проверила, кто их мог открыть для нас. Оказалось — никто! Может, здесь все-таки имеется магия?! Но за те две недели, прошедшие в семье графа, не было ни одного упоминания о ней! Да и никаких подозрительных волшебных чудес вокруг не происходило! Скорее, выделялись вот такие вот, как лифт или самоуправляемая инвалидная коляска, чудеса техники...

Выйдя из лифта, Зарина толкнула мое кресло в сторону второй двери справа. Двери здесь были широкие, как раз для удобства передвижения на коляске. Неужели за какую-то неделю можно было все здесь так переделать? Ведь даже следов от замены дверей или расширения дверного проема не осталось! Поневоле подозрения о волшебстве казались реальными, а не плодом расшалившейся фантазии!

Комната, в которой мне предстояло провести... всю жизнь(?), была светлой, просторной и уютной одновременно. Я несказанно удивилась, увидев точно такую же, как у меня в комнате, кровать. Успели перевезти из нашей усадьбы? Но когда? Ведь ни одна грузовая телега нас не обгоняла, пока мы добирались в город! Еще один вопрос в копилку неразгаданных загадок...

— Сейчас вам принесут платья и помогут выбрать подходящий для посещения королевского дворца наряд, — и почему так хочется запустить чем-нибудь в это ехидно улыбающееся смазливое лицо? — На первое время вашими горничными побудут Летти и Розы. Если они не справятся, мы найдем вам сиделок, Ваше Сиятельство. А вот и они!

В комнату впрорхнули две близняшки с охапкой одежды, а Зарина, наконец, изволила избавить меня от своего присутствия. Поразительно неприятная особа! Еще одна головная боль для меня. Попросить, что ли, у герцога Элеонору в качестве своей сиделки? Хоть одно близкое и родное лицо помогло бы мне пережить все эти неприятные моменты!

Кто из близняшек Летти, а кто — Розы, я разобралась уже на второй минуте знакомства. Абсолютно одинаковые на вид девушки были полной противоположностью друг друга по характеру! Летти — боевая, активная, непоседливая, не умеющая ни минуты помолчать, кардинально отличалась от скромницы и молчуньи Розы! Поэтому я ни разу не ошиблась, обращаясь к ним в ходе многочисленных процедур, которые они проводили с моим телом и волосами.

Как им удавалось так ловко и безболезненно перемещать меня с кресла на кровать и обратно, сперва пройдясь влажными полотенцами по моему телу, а потом переодевая и укладывая мои длинные густые волосы, просто уму непостижимо! И ладно бы они сами были гренадерского телосложения! Чуть выше меня по росту и чуть шире в кости, они перекидывали меня, словно пушинку, при этом ни разу не выказав ни капли жалости или презрения!

При этом Летти не переставая болтала о том, как хотела бы побывать во дворце и хотя бы одним глазком взглянуть на королеву вживую, потому что Дарий Пятый так оберегал и лелеял свою жену, что буквально трясся над ней, как дракон над своей истинной парой, и никуда из дворца не выпускал! А королева, говорят, настолько красива и умна, что просто одно удовольствие ее видеть и слушать!

— А что, драконы разве существуют? — спросила я у девушки, улучив секунду тишины.

— А кто их знает, госпожа? — наивно вытаращила свои карие глаза Летти. — Ну где-то же они все-таки есть, раз о них в книжках написано!

Ничего не скажешь, железная логика! А впрочем, оказавшись в теле Эвелины, я научилась верить в любое невозможное и алогичное, не поддающееся разуму утверждение! Поэтому лишь улыбнулась девушке и продолжила выслушивать ее мечтательные предположения о том, что сам Дарий-то, возможно, и есть дракон в человеческом облики, который тщательно шифруется и скрывает свой истинный облик!

— Летти, ну что ты такое говоришь! — тихо одернула ее Розы. — Леди Зарине не понравится, как ты отзываешься о нашем короле!

— А как она об этом узнает, Розы? — фыркнула ее сестричка. — Я же при ней стараюсь много не болтать!

Тут Летти словно споткнулась и замолкла, а я заметила, что Розы старательно косится на меня, видимо, намекая, что она проболталась при мне, а я могу передать ее слова Зарине.

— Что вы, девочки, не беспокойтесь, я не собираюсь вас выдавать! — поспешила я успокоить побледневших девушек. — Ведь мы же просто общаемся! И мне очень интересно с вами.

— Правда? — пролепетала Летти.

— Конечно! — подтвердила я, чем снова прорвала плотину слов этой болтушки.

— Ой, спасибо вам огромное, госпожа! — затараторила девушка, заканчивая со сложной прической. — Не хотелось бы лишаться места в этом дворце! Его Светлость очень щедрый хозяин, и работать на него — одно удовольствие! Тем более, он ведь тоже, как я подозреваю, из них!

— Из них? — переспросила я.

— Ну да, из драконов! — снова таинственно округлила глаза Летти, а Розы лишь

закатила глаза и смущенно хмыкнула.

— Правда? — пришла моя очередь удивляться.

— Нет, конечно, госпожа, не слушайте вы ее, у нее слишком богатое воображение! — тихо проговорила Роза, нанося последние штрихи в мой облик. — Бабушка переборщила со сказками в детстве! А она все никак из них не вырастет!

— Ты сама придумываешь! — обиделась на сестру Летти. — А я своими глазами видела и своими ушами слышала...

Но о чем таком секретном хотела нам поведать Летти, осталось под семью печатями, потому что в дверь властно постучались, а через мгновение она открылась и явила нашему взору герцога Густава Ксорда в ослепительной рубашке с кружевными манжетами и манишкой под дорогушим двубортным фраком и с шейным платком. Он окинул меня внимательным изучающим взглядом жгучих глаз и, видимо, остался доволен увиденным.

Только тут я обратила внимание на свой наряд, в который так неприметно для меня облачили близняшки. Великолепное богато украшенное вечернее платье из темно-синего дорогого материала с глубоким декольте и короткими рукавами сидело на мне, словно шилось на заказ и по моим меркам. На пуфе дожидались тонкие ажурные перчатки и верхняя накидка. Если бы была возможность покрутиться перед зеркалом, я бы не упустила ее — настолько мне самой понравилось отражение в зеркале! Но тут вовремя я вспомнила о своих ногах и усилием воли потушила огонек восхищения, зажегшийся в моих глазах. Спокойно, Эви, не выдавай ему ни одной своей эмоции! Не вручай врагу собственными руками возможность тебя ранить! Поэтому я лишь холодно улыбнулась уголками губ и произнесла:

— Я готова, Ваша Светлость!

— Не совсем! — произнес герцог низким голосом, делая шаг ко мне и отпуская горничных, которые в мгновение ока выпорхнули из комнаты.

В руках герцога я заметила резную шкатулку, из которой он достал драгоценности, сверкающие тысячами бликов в свете солнечных лучей, заглядывающих в широкие окна. Его Светлость шагнул еще ближе и, поставив шкатулку на низенький туалетный столик, чуть отвел спадающие на шею локоны, чтобы закрепить на мне нежнейшей работы и поразительной красоты ожерелье с бриллиантами различного размера, самый крупный из которых ровно посередине спускался на цепочке из белого золота и ложился аккурат в ложбинку груди. Проследив в зеркале за руками мужчины, я заметила, как дрогнули пальцы в желании огладить этот камень, но Его Светлость сумел сдержать этот порыв, за что я была ему невероятно благодарна, потому что от смущения мои щеки и так уже полыхали похлеще пионерского костра с картинок из книжки моего детства.

— Вам помочь надеть сережки? — спросил герцог охрипшим голосом, вызывая неосознанное желание накрыться с головой той накидкой, оставшейся лежать на пуфе.

— Нет, я сама! — просипела я, протягивая руки к шкатулке.

Но мужчина меня опередил, и теперь, чтобы взять сережки — такие же крупные бриллианты на подвесках — нужно было коснуться его руки. Миг — и сережки легли мне на ладонь, как ни странно, герцог в этот раз не захотел меня касаться, чуть заметно лишь задев манжетами мою руку. Уже лучше! Катастрофически не хотелось повторения тех эмоциональных качелей, охвативших меня в ходе надевания на меня ожерелья!

Мелко дрожащими руками кое-как сумела справиться с застежкой на серьгах и, поджав губы, уставилась в зеркало на наблюдавшего все это время за моими стараниями герцога.

— Всё? — спросила я как можно равнодушнее.

— Пока — всё, — ответил он с тонкой усмешкой. — Во дворце нам нужно будет надеть друг на друга брачные браслеты. Они из этой же коллекции, так что, надеюсь, вы с этим справитесь, Эвелина, ведь с застежками вы уже знакомы.

— Могу я узнать, что нас ожидает во дворце? — воспользовалась я случаем, чтобы не выглядеть перед королем и придворными абсолютным неучем.

— Ничего особенного, — меланхолично отозвался Густав. — Король просто объявит нас мужем и женой. Вам придется немного перетерпеть эту церемонию, поскольку, насколько мне известно, там будет около двадцати пар, которые также придут за королевским благословением.

— А потом мы уедем?

— А потом будет бал!

Но мы-то уедем, наверное? Потому что заставляя меня сидеть в инвалидном кресле и любоваться тем, как здоровые и веселые пары кружатся на паркете, счастливо друг другу улыбаясь... это немного жестоко! Нет, я не злобная, завистливая калека, считающая, что все должны страдать, если мне плохо, но и насильно заставляя себя улыбаться и лицемерить тоже не хочу. Каждому — своё.

— Мы не можем сразу уехать, это будет невежливо, — пояснил герцог, заметив мое недовольство. — Король — не тот человек, волей которого можно пренебрегать!

— Я поняла, — стиснула я зубы, убеждаясь еще раз в том, что очень сложно сохранять спокойствие рядом с Густавом Ксордом!

— В таком случае, я пришлю к вам Грега, — ровно произнес мужчина, — чтобы он сопровождал вас до кареты. Там и встретимся!

Хоть это и было бестактно, я ничего не ответила, просто постаралась сохранить равнодушное выражение на лице. Задержав на мне изучающий взгляд своих черных глаз, герцог все же вышел, оставив меня на несколько секунд одну. Я потратила их на то, чтобы еще раз оглянуть себя в зеркале с головы до ног. Все в моем внешнем виде меня устроило, и даже плед, укрывающий мои немощные ноги, выглядел элементом декора платья. А уж бриллианты переливались на моей шее и ушах миллиардами маленьких брызг, придавая моему облику особую загадочность и некий шарм.

Не буду кривить душой: я сама себе такой нравилась! Жаль, конечно, что не могу ходить, но теперь, имея такую коляску, я смогу передвигаться хотя бы по дому, а при возможности даже можно попроситься в гости к своим близким! Надеюсь, герцог не будет меня слишком ограничивать в передвижениях! Не только же для единственного выхода в свет перед королевские очи он озаботился таким прекрасным транспортным средством?

— Госпожа Эвелина, можно к вам? — легонько постучался в дверь знакомый слуга.

— Да, Грег, входите! — ответила я радостно и искренне улыбнулась ему, когда он с поклоном попросил разрешения меня вывезти.

Обратный путь мы преодолели очень быстро. Проезжая холл, я заметила в сторонке Летти и Розы, которые с улыбкой легонько помахали мне на прощание. Но тут появилась Зарина, и девушки быстрее убежали по делам, пока их не начала распекать леди экономка.

Как и обещал, Густав встретил меня у самой кареты. Он не поленился сам открыть мне дверь и прикрепить пандусы к ступенькам кареты. Герцог протянул мне руку, чтобы помочь подняться. Я хотела было гордо отказаться, но увидела, что гордость здесь абсолютно неуместна — не могу же я на руках сама себя подтянуть, да еще и с креслом в придачу! Пришлось вложить пальцы в его горячую руку. От этого жар разлился по всей руке и поднялся до самых щек, заставив их запылеть, несмотря на гигантские усилия с моей стороны не показывать мужчине, насколько меня волнуют его прикосновения!

Буркнув слова благодарности, я скорее отвернулась к окну и начала незаметно глубоко дышать, дабы успокоиться. Герцог никак не отреагировал на мое смущение. Казалось, все происходящее его нисколько не интересовало. Он сидел каменной статуей напротив меня и глядел отсутствующим взглядом на мелькающие за окном улицы и дома. Будто мы не едем во дворец самого короля, притом с вполне определенной целью — сочетаться, как говорится, законным браком, а просто случайные попутчики, оказавшиеся в одном экипаже.

И это меня, признаться, заставляло нервничать. Ведь я еще не забыла, с каким вожделением он смотрел на мое отражение в зеркале, как удерживал себя от невольных ласковых касаний! Что же с вами не так, Ваша Светлость?

На подъезде ко дворцу короля нас остановили.

— Герцог Густав Ксфорд со своей невестой! — объявил кучер нашей кареты на вопрос, кто пожаловал.

— Проезжайте! — последовало в ответ, и мы снова тронулись.

Интересно, а так можно кому угодно проехать во дворец, лишь назвав имя любого аристократа? Потому что никто карету досматривать не стал, даже к двери не подошли. Странные здесь порядки!

Видимо, мое недоумение все же было написано на лице, поскольку герцог, улыбнувшись уголками губ, пояснил:

— Это простая формальность. На самом деле нас уже давно проверили и перепроверили еще минут пять назад!

— Каким образом? — удивилась я, ведь пять минут назад мы точно так же, как и с первой минуты, ехали в тишине, и никто нас не останавливал!

— Секретные технологии короля, — ответил герцог туманно, а я не стала допытываться.

Раз секретные, значит, они таковыми и должны оставаться. Как известно, меньше знаешь — дольше живешь!

Через несколько минут карета остановилась, и вихрастая рыжая голова Грега показалась в дверях.

— Ваша Светлость, прикажете спустить госпожу Эвелину? — поинтересовался юноша, подобострастно уставившись на хозяина.

— Да, Грег, будь добр! — отозвался герцог, а я в очередной раз удивилась тому, что мужчина так вежлив со своим слугой.

Нет, в нашем доме, конечно, тоже относились к прислуге с должным уважением, но такого запанибратства все равно не наблюдалось. Эвелина только так строила служанок, да и старый граф при случае тоже не ленился распекать наших малочисленных нерасторопных слуг.

Герцог же в моем представлении должен был быть намного грознее и властнее, чем дядя Миха, ведь, насколько я помнила из рассказов, семейка Ксфордов, по крайней мере, старый герцог Тармон, всегда славился своим жестким и мерзким характером! Не зря же вся округа облегченно выдохнула после его смерти! Определенно, или информация, дошедшая до меня, не совсем соответствует действительности, либо я окончательно запуталась!

Между тем мою коляску бережно спустили на землю и покатали к парадной двери дворца. И — вот досада! — я увидела, что дворцовая лестница не приспособлена для подъема инвалидов-колясочников! «Доступная среда» — вспомнилось вдруг название программы по благоустройству всех подъездов домов и ступенек общественных зданий для пользования ими инвалидов-колясочников у нас на Земле. Ай-яй-яй, ваше величество! Незачет вам по этой программе!

Я с некоторым облегчением взглянула на герцога. Не вышло, Ваша Светлость, придется вам самим объявлять о своей женитьбе на калекке, а ей (то есть мне) во дворец самой не попасть! И — ура! ура! ура! — сидеть у всех на виду, вызывая своим видом показную жалость и презрение, тоже не придется!

— Видимо, мне придется вас в карете подождать, Ваша Светлость? Или прикажете домой поехать? — спросила я, стараясь не выдать своей радости.

— Ни в коем случае, дорогая! — поджал на секунду губы герцог. — Ведь нас ждет торжество!

И неожиданно легко подхватив меня под коленками и за спину, Густав Ксфорд на руках понес меня во дворец! Я опешила и вцепилась обеими руками ему в шею, хотя герцог нес меня настолько непринужденно и свободно, как маленького ребенка. Мужчина не забывал учтиво раскланиваться со встречными аристократами, будто не ощущал ни толики неудобства или смущения от того, что вынужден исполнять роль носильщика, словно всю жизнь таскал меня на руках.

От него пахло очень вкусно — что-то цитрусовое и свежее, похожее на мяту, обволакивало меня умиротворением и спокойствием. И если в первые мгновения мне было неловко от всего этого кордебалета, то потом я даже приноровилась и начала оглядываться по сторонам — когда еще придется полюбоваться на убранство королевского дворца?!

А посмотреть было на что!

Дворец был просто огромен! Кроме богатейших коллекций живописи, скульптур, гобеленов, фарфора и мебели различных эпох и стилей, привлекали внимание высокие мозаичные окна, украшенные сценами каких-то баталлий и пасторальными сюжетами. Потолок, высоту которого я бы не взялась определить, настолько он был высок! — был разрисован изображениями каких-то то ли святых, то ли богов, а может быть, это были просто рисунки, без всякого подтекста.

Все это я успела разглядеть за те неполные три минуты, что герцог нес меня по направлению к тронному залу, где уже собрались все действующие лица этого фарса под названием «благословение королем своих подданных, пожелавших жениться». Мы-то знаем, что этот акт был скорее добровольно-принудительным, чем итогом великой любви бедных аристократов!

Задержавшись у входа в тронный зал, чтобы успели нас объявить, Густав внес меня в богато украшенное помещение с величественным тронном, на котором восседали король с королевой. Надо признать, что появление наше было довольно фееричным! Увидев герцога со мной на руках, многие аристократы ахнули, кое-кто вытянул шею, пытаясь разглядеть наше приближение из-за спин многочисленных гостей короля.

Густав же остановился посреди зала и вполне грациозно поклонился королевской чете, несмотря на груз на своих руках. В зале стало так тихо, что можно было бы услышать, как муха пролетает, если бы она там обитала. Все с любопытством ожидали реакции короля.

— Ваша Светлость, вы так соскучились по своей невесте, что не можете ее ни на миг от себя отпустить? — послышался грозный голос со стороны трона, и я чуть не спряталась у герцога за пазухой.

— Прошу прощения, ваше величество, — отозвался герцог почтительно, — но моя невеста лишена возможности стоять из-за несчастного случая. Поэтому я прошу вашего высочайшего разрешения, позвольте мне во время церемонии держать ее на руках.

— Ну зачем же столько времени надрываться! — послышался нежный голос королевы. — Принесите для невесты герцога Ксорда кресло!

В считанные секунды повеление королевы было выполнено, и меня усадили в мягкое кресло, прикрыв пледом ноги. А за моей спиной встал Его Светлость, положив одну руку на спинку кресла.

И только тогда я решилась оглядеться.

Резные элементы декора очень уместно сочетались с изящными фигурными креслами, диванами и столами, расположенными в этом необыкновенно красивом, даже сказочном зале. С потолка свисали огромные затейливые люстры, освещающие это помещение тысячами лампочек в форме жемчужин, стены отделаны гобеленами благородного темно-бордового цвета с золотыми узорами, на полу лежал огромный ковер в цвет стен... И прямо передо мной стоял трон, на котором с царственным видом восседали Дарий Пятый и его жена. А как же ее зовут-то? Вдруг поняла, что ни разу при мне не называли ее имени. Впрочем, мне ведь тоже вряд ли придется звать ее по имени? «Ваше величество» — очень удобно, кстати, если у тебя плохая память на имена!

Воспользовавшись тем, что церемония «бракосочетания» началась и король начал свою приветственную речь, я исподтишка начала рассматривать своих ближайших соседей «по

несчастьем». Каждая пара стояла на небольшом отдалении друг от друга, с благоговением внимая словам коронованной особы о том, как важно построить крепкую семью и правильно воспитать детей, чтобы в будущем они стали настоящей гордостью и оплотом королевства.

Мужчины все как один были в черных фраках, почти таких же дорогих, как у моего герцога, а девушки, их невесты, представляли собой настоящий цветник. Каких только расцветок платьев тут не было! И все, как на подбор — в вечерних нарядах, выделяющихся своим глубоким декольте и открытыми плечами.

Учитывая, что женихи все контингента 30 плюс, можно было встретить как стройных и мужественных, наподобие герцога Ксorda, так и начинающих обзаводиться брюшком и залысинами. Однако, как бы ни выглядел мужчина, невесты у них у всех были молодые, если не сказать, совсем юные барышни! Поневоле закрадывалась мысль, что каждый аристократ каким-то образом заполучил свою невесту, и об искренних чувствах тут даже мечтать не приходится. Совсем как в нашем случае...

Я со вздохом отвернулась от созерцания «счастливых пар» и вздрогнула, увидев, с каким вниманием изучает меня королева. Ее величество улыбнулась, заметив, что я в курсе, что оказалась под прицелом ее внимательных ореховых глаз и слегка кивнула мне. Не зная, как реагировать, я тоже склонила перед ней голову.

Кажется, наши переглядывания поймал мой жених. Потому что я почувствовала у себя на плече легкое касание. Герцог с какой-то успокаивающей лаской провел свободной рукой по моему открытому плечу и чуть слышно для меня шепнул: «Слушайте короля!»

Честно говоря, его речь как-то прошла мимо меня, и только когда прозвучало: «Благословляю ваш союз данной мне богами властью», все женихи разом завозились, доставая откуда-то маленькие шкатулки. У каждого рода, видимо, были свои брачные браслеты, потому что на глаза мне попались как золотые, так и серебряные, а у некоторых даже платиновые, украшенные драгоценными камнями и инкрустированные вставками из других благородных металлов.

Когда герцог Ксord встал передо мной на одно колено и со словами: «Эвелина Клемент, вы согласны стать моей женой?» протянул мне изящный браслет из бриллиантов, я поняла, что назад дороги уже не будет. Постаравшись улыбнуться как можно искренней, хотя зубы сводило от желания объявить во всеуслышание, что не согласна быть проданной за какие-то семейные долги, ответила: «Да!» и чуть заметно вздрогнула, когда герцог защелкнул на моем запястье этот наручник, крепко-накрепко приковавший меня к семье Ксордов. Затем, как заранее предупреждал меня мужчина, те же самые манипуляции провели невесты со своими женихами. Чуть дрожащими от волнения руками я закрепила на запястье Густава брачный браслет, немного скромнее и более мужской, чем мой. После этого король громогласно объявил о рождении новых семей, вслед за этим раздались звуки салюта за стенами дворца, оповещающая об этом весь город.

— Первый танец молодых! — объявил церемониймейстер, и зазвучала музыка, похожая на наш вальс.

Все остальные гости отошли к стенам, и посреди зала остались лишь новоиспеченные семейные пары. Видя, как мужчины приглашают своих партнерш, я осознала себя чуждым для всех элементом, сидя посреди тронного зала в кресле. Беспомощно оглянулась на герцога, без слов умоляя унести меня вместе с креслом отсюда, чтобы не мешать танцующим. И герцог меня понял. Но снова поступил по-своему.

Вместо того, чтобы оттащить меня вместе с креслом подальше от танцующих, он отложил на спинку кресла плед, прикрывающий мои ноги, а сам подхватил меня за талию и прижал к своему телу. От неожиданности я вцепилась обеими руками ему в плечи, но он забрал мою правую руку, а сам, поддерживая меня другой рукой за талию, закружил в танце! Ноги мои не доставали до пола, грудью я упиралась в широкую грудь герцога, и вообще все мое тело горело от близости к горячему телу мужчины.

Я боялась смотреть по сторонам. Боялась, что взгляды всех присутствующих выражают негодование и презрение к нашей паре из-за слишком интимно близкого расположения наших тел, ведь правила этикета предписывали совсем другое! Но и смотреть в глаза своего партнера не решалась. Все было слишком для меня в этой ситуации: слишком неожиданно, слишком близко, слишком чувственно! А ведь я дала себе слово никому не выдавать своих истинных эмоций, и уж тем более — самому герцогу!

Уткнувшись взглядом куда-то в область его подбородка и сжав зубы, я продолжала кружиться в объятиях Ксорда, и вдруг виски в который раз прострелило внезапной острой болью! О нет! Неужели воспоминания о прошлой жизни нахлынут так не вовремя?!

Я крепко зажмурилась, стараясь дышать ровно, чтобы герцог не догадался о том, что со мной творится. А перед глазами пролетели неясные картины какого-то праздника. Все танцевали, веселились, но ни звуков музыки, ни смеха и гомона голосов я не слышала, словно бы смотрела немое кино. Я с кем-то танцевала, кажется, явно ощущая, как перебираю ногами, что было само по себе необычно и даже страшно для меня, привыкшей к тому, что нижняя часть моего тела — лишь бесполезное приложение к верхней. И тут мимо меня пронеслись, весело улыбаясь и о чем-то переговариваясь, Лика и Сергей! Лика во все глаза смотрела на своего парня, а тот, заметив меня, сделал неумовимое движение губами, изображая воздушный поцелуй! Мне?! С какой стати?! И тут же я увидела, как нахмурилась подруга, все-таки поймавшая этот жест...

Боль прошла так же внезапно, как и накатила. Я словно вынырнула из толщи воды, с удивлением поняв, что музыка уже закончилась, а герцог держит меня в своих объятиях и напряженно следит за выражением моего лица, застыв посреди тронного зала, когда все танцующие уже освободили центр помещения и теперь недоуменно взирают на нас, изображающих... влюбленную пару?

Я тряхнула головой, отгоняя эти непрошенные мысли, и тихо произнесла, обращаясь к мужчине:

— Может быть, нам стоит тоже отойти к стенке, Ваша Светлость?

Тот словно бы очнулся и понес меня к тому креслу, в котором я сидела с самого начала.

— Прошу всех в большой бальный зал, господа! — обратился между тем его величество ко всем присутствующим. — Объявляю бал, посвященный созданию новых счастливых семей, открытым!

Тихо переговариваясь, разряженная толпа хлынула в распахнутые двери, откуда уже слышались громкие звуки играющего танцевальные мотивы оркестра. Король с королевой скрылись в другой стороне. Конечно, не пристало коронованным особам ходить обычными путями, как каким-то задрипанным аристократам! Не удивлюсь, если в бальном зале они окажутся даже раньше самых первых гостей! Наверняка во дворце уйма всяких тайных ходов

и секретных дверей...

Не прошло и двух минут, как мы с герцогом остались в тронном зале одни.

— Не объясните мне, что с вами произошло, Эвелина? — спросил он, встав напротив меня и упершись внимательным взглядом жгуче-колючих глаз.

— Авария? — вопросительным тоном ответила я, притворившись дурочкой. — Так уже два года назад...

— Я не про ваши ноги, и вы прекрасно это знаете! — нахмурившись, перебил герцог. — Вы словно покинули нас на некоторое время — абсолютно не реагировали ни на мой голос, ни на музыку!

— Ах, это! — вздохнула я, поджав губы. Не хотелось признаваться, но, боюсь, хоть какое-то оправдание своим неожиданным приступам я должна дать. — У меня иногда очень сильно болит голова. Настолько сильно, что я словно выпадаю из реальности...

— И давно это у вас? — неужели в голосе мужчины прозвучала забота?

— С тех пор, как я случайно упала и потеряла память.

— Вы потеряли память?! — удивился герцог.

— Увы! — развела я руками. — Так что, если мы с вами ранее и общались каким-то образом, я этого не помню. Не обессудьте!

— Ясно, — пробормотал Ксфорд.

В это время в зал вошли лакеи, которым было велено, видимо, прибраться и закрыть комнату. Герцог оглянулся на них и вновь поднял меня на руки, как ребенка.

— Пройдем к остальным, — сказал он, унося меня из комнаты. — А о ваших болях и потере памяти поговорим дома.

Надо же! Он еще и говорить со мной собирается? А я думала, что после этой церемонии наши пути разойдутся. Герцог отправится кутить и праздновать, а я останусь в его доме изображать верную супругу. Но, если он так хочет со мной поговорить, препятствовать я не стану. Возможно, ему это нужно, чтобы придумать правдивую отговорку своему предстоящему поведению: мол, какому молодому мужчине нужна больная жена, к тому же страдающая амнезией? В принципе, я не против того, что видеться с ним мы будем редко. Главное, чтобы в его доме меня не трогали, а уж досуг я себе смогу обеспечить. Попрошу, чтобы ко мне пускали моих близких, а их — чтобы носили мне книги, которыми я заполню все свое время. Ведь читать я любила всегда!

К тому моменту, когда герцог занес меня в большой бальный зал и опустил на диван, многие уже кружились в танце. Как я и предполагала, здесь также стоял трон, правда, чуть скромнее, чем в тронном зале, где уже восседали король с королевой, которые с толикой легкой заинтересованности следили за танцующими и изредка обменивались короткими фразами. Наше появление осталось почти не замеченным аристократами. Зато королева цепко оглядела меня взглядом и, заметив, что я поймала его, чуть иронично улыбнулась. И что бы это значило? Я постаралась ответить вежливой улыбкой и почтительно склонила голову. Когда же подняла ее, женщина уже совсем не обращала на меня внимания. Ну и слава богу!

Тут к герцогу подошла очень эффектная молодая женщина и обворожительно улыбнулась, прикоснувшись рукой в ажурной перчатке к его запястью.

— Густав, дорогой, поздравляю тебя! — проворковала она медовым голосом, строя мужчине глазки. — Ты сумел с честью выйти из этой ситуации! Не думала, что додумаешься до такого хитрого хода! И овцы целы, и волки сыты, не так ли?

Я с недоумением слушала ее слова, не совсем понимая, откуда в этом мире абсолютно идентичная нашей пословица? И о каких овцах и волках ведет речь эта зеленоглазая шатенка? Герцог же не спешил отбирать свою руку из пальцев этой женщины, так явно наглаживающей в интимной ласке чужого мужчину. Я, конечно, совсем не ревную, но разве это не ломает все понятия об этикете?!

— Благодарю, ваша милость! — ровно ответил ей Густав. — Надеюсь, ваш муж здоров?

— Ах, Густав, ну зачем напоминаешь про этого старого зануду? — укоризненно промурлыкала женщина, двумя руками вцепившись в рукав моего, простите, мужа. — Барон где-то тут, как всегда, заводит полезные для себя знакомства! Где еще встретишь столько аристократов, готовых в свой счастливый день осчастливить пустыми обещаниями любого просителя! Завтра-то никто из них и не вспомнит о жалком бароне Оффе!

— Ну, зато вас, милая баронесса, они ни за что не забудут! — успокоил герцог красавицу, отчего та зарделась.

— Скажешь тоже, дорогой! — легонько хлопнула она веером по руке мужчину. — Ты же знаешь, что я давно верна исключительно тебе!

Мне стало не по себе от таких откровений. Украдкой оглянувшись, заметила, что близстоящие дамы и господа тоже притихли и с любопытством прислушиваются к разговору. При этом они бросали на меня такие откровенно жалостливые взгляды, что мне захотелось немедленно провалиться сквозь землю! Вот об этом и предупреждала меня сердобольная Элеонора! Но что я могу поделать? Биться в истерике, выставя себя еще большим посмешищем? Ну уж нет! Этого от меня никогда не дождутся!

— Густав, может быть, ты пригласишь меня на танец? — похлопала ресницами баронесса. — Ведь ты-то любишь и можешь танцевать! Вы же не против, милочка? — наконец удосужилась она взглянуть на меня.

— Его Светлость вправе сам решать, с кем ему танцевать, — ответила я как можно спокойнее.

Пусть не радуются сплетники, что смогли увидеть, как за герцога-ловеласа «дерутся» его законная жена и любовница! Что-что, а цепляться за него я не стану! С самого начала я знала, что наш брак — это сущая фикция! И раз избежать его у меня не получилось, то я постараюсь хотя бы не страдать из-за многочисленных измен недомужа!

— Я так и думала, что она будет позволять тебе всё, что ты захочешь! — фальшиво рассмеялась баронесса. — Небось тоже влюблена в тебя, как кошка, да, дорогой?

Я лишь скривила губы и пожала плечами на эти слова. Пусть думает, как хочет, мне-то что?

— Стефания, давай не будем устраивать тут представление! — неожиданно сухо парировал герцог, и довольно грубо стряхнув ее руки, подхватил под локоток и потянул в сторону выхода. — На пару слов, ваша милость!

Баронесса натянуто улыбнулась, оглянувшись по сторонам, и засемила за герцогом. Не успели они отойти, как на диван рядом со мной опустились две дамы средних лет. От ближней дохнуло чрезмерно сладкими духами, отчего к горлу подступила тошнота. Но я постаралась справиться с дурнотой. Лишь поправила плед, которым герцог укрыл мои ноги, и притворилась, что с интересом наблюдаю за танцующими.

— Ах, бедняжка! — притворно вздохнула одна из дам. — Терпеть выходки нахальной выскочки, да еще прилюдно!

— Не говори, Элиза, до чего современные женщины не берегут свою честь! — отозвалась вторая, украдкой бросив на меня любопытный взгляд. — И ведь муж на все закрывает глаза! Бедный барон!

— Ну еще бы он попробовал ее упрекнуть! — понизила голос та, которую назвали Элизой, но ровно настолько, чтобы я прекрасно все слышала. — Благодаря ее порочным связям барон Офф стал повсеместно узнаваем! И я уверена, что он оч-чень ловко этим пользуется!

Как бы мне хотелось вскочить с места и убежать из этого зала, чтобы не выслушивать колкости в свой адрес! Но... мои ноги... Боже, неужели мне придется встречаться с подобными сплетницами часто? Уж лучше бы я лежала всю жизнь на своей кровати, чем сидеть мишенью для насмешек в этом рассаднике лжи и лести!

Тут дамы, видимо, не дождавшись от меня никаких наводящих вопросов, решили действовать напрямую.

— Прошу прощения, Ваша Светлость, — начала Элиза, чуть склонившись ко мне. — Вы ведь жена его светлости герцога Ксорда?

— Да, леди, — тихо ответила я.

— Дочь графа Варлина и графини Офелии Клемент? — уточнила вторая.

— Все верно.

— Я помню вашу мать! — заявила первая. — Она была чрезвычайно красивой женщиной! Вы на нее дивно похожи! Как жаль, что вам пришлось пережить такую потерю!

— Я тоже вам соболезную! — подхватила вторая.

— Благодарю, — сказала я. — Простите, не знаю, как к вам обратиться...

— Ах, до чего же мы рассеянные! — всплеснула руками Элиза. — Позвольте представиться: это моя подруга, графиня Белана Берт, урожденная Веста, а я — графиня Элиза Дигна, жена графа Валентина Дигна, наши дома почти рядом с вашим стоят!

— Очень приятно! — пришлось придерживаться правил вежливости, хотя очень не хотелось продолжать неприятный разговор.

— Буду рада вас принять у себя дома, — заливалась моя соседка, графиня Дигна, — можете заглядывать, когда почувствуете себя одиноко. Ведь герцог почти не бывает в своем городском доме, он вечно в разъездах и кутежах! Ох! — прикрыла она рот веером.

— Да что ты говоришь, Элиза, как она будет к тебе заглядывать, если она не может ходить? — одернула ее подруга.

Честно говоря, настолько нетактичных женщин мне давно не приходилось встречать! Походя унижать человека, которого впервые видишь! Притом, по статусу гораздо выше себя! Так и хотелось взять веник и отхлестать их, приговаривая: «Не суйте свой нос, куда не следует!» Может, из-за того, что я безропотно сношу все их оскорбления, они и распоясались? Возможно, стоит их поставить на место? Но как? Среди этих богато одетых, расфуфыренных людей, пресыщенных жизнью и не знающих, чем себя развлечь, я чувствовала себя невероятно одинокой и несчастной маленькой девочкой!

— Леди, позвольте мне украсть у вас мою супругу? — послышался тут приятный бархатистый голос герцога, услышав который я чуть не расплакалась от облегчения! — Признаться, я еще сам не успел с ней пообщаться вдоволь!

— Ах, Ваша Светлость! Вы в своем праве! Конечно-конечно! — закудахтали женщины, вскакивая с места и строя перед ним глазки. — Мы просто хотели поздравить вас с вашим праздником! Желаем счастья в семейной жизни!

— Благодарю, дамы! — коротко ответил Ксорд, привычно подхватывая меня на руки и направляясь к выходу.

— Разве мы не должны побыть еще? — спросила я, стараясь не смотреть в его глаза.

— Думаю, его величество простит нас, ведь сегодня такой день, когда молодоженам полагается побыть наедине! — сообщил герцог ровным голосом, а я в очередной раз подумала, что скорее всего, ему просто нужен повод, чтобы отвезти меня домой, а сам он отправится по своим делам. И вполне может быть, что дела эти связаны с той пресловутой баронессой...

Всю обратную дорогу мы молчали. Герцог о чем-то размышлял, уставившись в окно кареты. А я, воспользовавшись этим, украдкой наблюдала за ним и никак не могла определить, чего ждать от мужчины в следующую минуту — заботы, заставляющей сжиматься сердце, или равнодушия, замораживающего душу?

— Грег! — подозвал герцог слугу, как только карета остановилась у парадной двери. — Проводи ее светлость в ее комнату!

— Слушаюсь, Ваша Светлость! — поклонился парень и покатил меня по удобному пандусу.

Как только дверь за нами закрылась, я решила разузнать у него хоть что-нибудь о его хозяине.

— Грег, вы давно служите герцогу?

— Его Светлость, прежний герцог Гармон Ксфорд, выкупил меня у моих прежних хозяев, когда мне было десять лет, госпожа, — ответил мой рыжий «водитель». — Сейчас мне двадцать два.

— Ого! — удивилась я. — А почему герцог вами заинтересовался в столь раннем возрасте? У вас есть особые таланты?

— Ничего особенного, госпожа, — вдруг застеснялся молодой человек. — Просто я умею распознавать, насколько человеку можно доверять. А для старого герцога это было довольно важно...

— Умеете распознавать? А как это? На уровне интуиции? Или вы умеете читать мысли? — пошутила я.

— В некотором роде... — замялся парень, чуть не споткнувшись на подъезде к лифту.

— Правда? — я все еще не могла в это поверить. — Можете на мне продемонстрировать?

— Сейчас — нет, — отказался Грег.

— Не в форме? — улыбнулась я.

— Нет, просто ваше ожерелье... — начал было он, но тут же спохватился и замолк.

Тем временем мы заехали в лифт, и он тронулся вверх.

— Сбивает вас с настроения? — продолжила я шутить.

— Скрывает все ваши мысли! — шепотом пояснил мне слуга, наклонившись близко ко мне. — Это сильный артефакт, причем многофункциональный!

— Артефакт?! — подавилась я воздухом.

Все-таки этот мир магический! Вот подозревала я об этом! Только спросить было не у кого, да и палиться тоже не хотелось, если честно. Но теперь мои руки развязаны, и я сделаю все, чтобы побольше узнать о магии!

— И каковы же его функции? — поинтересовалась я как бы вскользь.

— Защита от внешнего воздействия, в том числе от ментальных атак, блокиратор магического воздействия... — начал перечислять Грег, но тут мы приехали и пришлось выходить из лифта.

— Как интересно! — воскликнула я. — А когда я сниму ожерелье, вы мне покажете свои способности?

— Если вам это интересно... — пробормотал он.

— Чрезвычайно интересно! — с жаром воскликнула я.

— В таком случае как-нибудь попробуем, — улыбнулся Грег.

В комнате меня уже поджидали Летти и Розы, которым я была передана из рук в руки, и слуга ретировался, смущенно улыбаясь близняшкам.

Меня резво пересадили в удобное кресло и занялись моей одеждой и прической.

— Через час вы должны быть в столовой, Его Светлость велел вас подготовить к ужину, — зашебетала Летти, ловко снимая с меня вечернее платье, пока ее сестричка подняла меня на ноги, удерживая на весу сильными натренированными руками.

Потом они надели на меня более удобное, полностью закрытое темно-вишневое платье, которое, тем не менее, выглядело очень богато из-за красивой отделки на груди и подоле. Роза соорудила на голове что-то пышное, оставив два локона легко виться с обеих сторон лица.

Взглянув на себя в зеркало, я увидела бледную, но очень симпатичную себя во все еще украшавших мою шею и уши фамильных драгоценностях герцога. Про то, что свадебные браслеты теперь не снимаются, меня поставил в известность сам Ксфорд. А вот от драгоценных камней, блокирующих магию, хотелось уже избавиться.

Я подняла было руки, чтобы расстегнуть ожерелье и снять серьги, но Летти округлила глаза и отчаянно замотала головой.

— Что вы, Ваша Светлость! Герцог пока не велел их снимать! Лучше оставьте!

— Но ведь мы уже дома? — растерянно пробормотала я. — Зачем носить такие дорогие украшения?

— Он сам вам скажет, когда можно будет их снять, госпожа! — тихонько подтвердила Роза, разглаживая несуществующие складки на платье и не поднимая на меня глаз. — Я думаю, они не просто украшения.

— Ну что ж, — пожала я плечами. — В таком случае можем спуститься на обед.

Летти покатила мою коляску к лифту, а Роза осталась прибираться в комнате.

— Ваша Светлость, а вам понравилось во дворце? — попыталась она воспользоваться отсутствием сестрички и расспросить меня про бал.

— Там очень красиво! — улыбнулась я.

— А королеву видели?

— Конечно, Летти!

— Она прям такая красивая-красивая?

— Да, она очень красива, — согласилась я.

— А вы с ней говорили, Ваша Светлость? — загорелась девушка.

— Нет, конечно, Летти, думаю, ей совсем не интересна моя личность. Да мы и были на балу очень мало...

— Жаль, конечно, что вам не удалось там потанцевать! — искренне посочувствовала мне девушка.

— А вот тут ты ошибаешься, — улыбнулась я. — Мы с герцогом танцевали!

— Ка-а-ак?! — аж задохнулась Летти от восторга. — Вы танцевали?!

— Ну да, первый танец молодоженов, правда, наш танец сильно отличался от танца остальных...

— Понимаю! — закивала девушка. — Его Светлость использовал магию?

— Магию? — переспросила я. — А разве Его Светлость — маг?

— Ну да! А вы не знали? — удивилась она, выталкивая коляску из лифта и направляясь в сторону столовой.

— Не знала, — ответила я.

И почему дома, рядом с Эвелиной и Софи, ни разу не заводили разговоры про магию в этом мире? Да и не уверена я, что мои близкие имеют к магам хоть какое-то отношение,

иначе хотя бы намеки на это я могла заметить. Может быть, магов здесь мало? Как же мне не хватает информации об этом мире! Единственная надежда — на Грега, с которым я собиралась много общаться, чтобы расспросить обо всем и не выглядеть нелепо перед глазами старых и новых знакомых, которых, как я подозревала, из-за моего нынешнего статуса может появиться очень много! Правда, я пока не имела ни малейшего представления о том, как сложится моя жизнь в качестве супруги герцога Ксорда.

Возможно, мне просто придется сидеть дома, предаваясь грусти и хандре, пока супруг будет наслаждаться жизнью. Но, может быть, он поставит мне в обязанность вести светский образ жизни. Если сама я не смогу посещать других, он может приказать мне принимать гостей у себя. Как бы все ни сложилось, мне нужно узнать как можно больше об этом мире, его устоях и правилах. От этого будет зависеть мое будущее.

— Значит, у вас все еще впереди, — мечтательно протянула Летти, открывая дверь столовой.

Больше она не произнесла ни слова, потому что в большой столовой было много народу. Во главе стола сидел сам Густав Ксорд, по левую руку от него было пустое пространство, а с обеих сторон восседали мужчины и женщины, около дюжины с каждой стороны.

Как только дверь за нами бесшумно закрылась, на меня обратились все взгляды. Мужчины поднялись на ноги, как и Его Светлость. Мне стало неловко от такого внимания, но, видимо, правила приличия не позволяли встречать женщину сидя, даже если сама она передвигалась исключительно в таком положении.

Летти отвезла мою коляску к самому герцогу, оказалось, что тут заблаговременно убрали стул. Нажав на какой-то рычаг, Ксорд зафиксировал мое кресло, и только после этого все расселись. Кроме герцога. Он поднял бокал с какой-то красной жидкостью и провозгласил:

— Дамы и господа, позвольте представить вам мою супругу — Эвелину Ксорд, урожденную Клемент. Предлагаю всем выпить за нее!

Обед тянулся очень долго для меня.

Во-первых, я никого из присутствующих не знала, во-вторых, говорить мне с ними было не о чем, а в-третьих, как бы ни была голодна, есть под изучающими взглядами не умела, поэтому просто ковырялась в еде, не решаясь ни на кого поднять глаза.

Герцог, в отличие от меня, не страдал ни по одному пункту. Лакеи меняли тарелки, шустро носили блюда, и мне оставалось лишь позавидовать отменному аппетиту мужа.

Гости тоже не комплексовали. То и дело слышался смех, разговоры за столом не замолкали. Всем присутствующим было интересно узнать, как прошло празднество во дворце, из чего я сделала вывод, что их на бал не пригласили. Стало любопытно, кого же назвал Его Светлость, если они не дотягивают до необходимого для приглашения на королевский бал статуса?

Украдкой взглянув на очередного мужчину, задавшего какой-то вопрос Ксорду, я увидела мужчину средних лет с начинающей редеть шевелюрой, которую он постарался уложить так, чтобы пробивающаяся плешь не слишком бросалась в глаза. Поймав мой взгляд, мужчина широко улыбнулся и слегка кивнул мне. Его круглое лицо с чуть вздернутым носом стало еще круглее, но улыбка, казалось, сделала его намного привлекательнее, как-то добрее, что ли. Я немного расслабилась и ответила легкой улыбкой, но снова поспешила опустить взгляд в тарелку, когда заметила, что герцог задумчиво посмотрел на меня.

Все же на протяжении обеда мне удалось рассмотреть еще нескольких гостей. Несмотря на то, что одеты они были совсем не бедно, я поняла, что они все — ниже Густава Ксорда по статусу. Об этом можно было судить по тому, с каким то ли уважением, то ли страхом они обращались к его светлости, как радовались, когда тот достаивал их ответа. Может быть, это графы или бароны подвластной ему территории, то есть его вассалы? Как же многого я еще не знаю!

К счастью, всё имеет свой конец. Закончился и этот прием пищи. По понятиям земной жизни мы должны были бы с Ксордом проводить гостей, но тут мы, напротив, ушли первые. Герцог поблагодарил всех за то, что они разделили с ним его праздник (конечно, на самом деле он объявил «наш праздник», но для меня это была скорее пытка), встал из-за стола и сам повез меня из столовой. Я только и успела напоследок всем улыбнуться, но улыбка, скорее всего, вышла жалкой.

Без единого слова герцог отвез меня в мою комнату и оставил там на попечение близняшек. Только когда закрылась за ним дверь, я вспомнила, что так и не спросила, можно ли мне снять украшения. Ну, нет так нет. Может, сам удосужится со мной заговорить. Не буду же я выпрашивать для себя внимания!

Сестрички между тем споро переодели меня в домашнее платье и принесли по моей просьбе булочки и чай. Как бы ни было стыдно в этом признаваться, вышла я из-за стола голоднее, чем села. Пришлось пересилить свою гордость и попросить у служанок чего-нибудь для перекуса.

— Может быть, попросить повара приготовить вам что-то другое, то, что вы любите? — спросила тихонько Розы, когда увидела, с какой скоростью я набросилась на мучное.

— Нет-нет! — поспешила я ее остановить. — Просто я не привыкла сидеть за столом и

есть при всех, в прошлые годы мне всегда приносили пищу на кровать.

— Вы ели лежа? — ужаснулась Летти.

— Нет, что ты! — воскликнула я. — Меня всегда удобно усаживали. У меня была точно такая же кровать, как вот эта, — указала я на конструкцию, точь-в-точь повторяющую мою кровать у нас дома.

— О, схему этой кровати разработал сам герцог Ксорд! — с заметной гордостью заявила Летти. — А сделали по его заказу уже мастера-маги.

— Но... у меня дома такая же! — недоуменно повторила я.

— Значит, и вашу сделали по его схеме! — поставила печать Летти, а я погрузилась в размышления.

Это что же получается? Густав Ксорд специально сконструировал кровать под мои нужды? А как же заполучили эту ценную конструкцию мои близкие? Неужели купили у Ксорда? Как? Когда? И почему он сделал ее в двойном экземпляре? Неужели заранее предполагал, что придется на мне жениться?

Голова пухла от всех этих вопросов!

Хоть бы кто-нибудь заглянул ко мне из моей семьи и просветил меня!

Говорят, когда очень чего-то хочешь, это обязательно случается. Вот и со мной произошло то самое чудо. В дверь легонько постучали, а в следующее мгновение появился Его Светлость, переодевшийся в более свободного кроя пиджак.

— Эвелина, к вам пришли Андреас Фрис и Софи Клемент. Хотите с ними встретиться?

— Конечно! — вскричала я с радостью и чуть не вырвала у себя клочок волос, над которыми мудрила в данный момент Розы, пытаясь броситься на встречу с сестрой и кузеном.

— Ой, простите! — тут же запаниковала служанка, но я ее перебила, отмахнувшись от ее извинений.

— Не нужно, Розы, я сама виновата! Сооруди, пожалуйста, что-нибудь попроще, чтобы было побыстрее!

Розы поспешила с прической, но герцог поджал губы и холодно заметил:

— Не пристало герцогине Ксорд бегать растрепанной!

Эти слова больно кольнули мою гордость, и я сама не заметила, как огрызнулась в ответ:

— Если бы я могла бегать, Ваша Светлость, уверяю вас, я была бы счастлива это делать без всяких причесок!

Мои слова прозвучали так горько, что близняшки с испугом вперились в герцога, притворившись мебелью. Сам мужчина, кажется, тоже осознал, что ляпнул не подумав. Брови его нахмурились, а в черных глазах сверкнуло сожаление. Но вслух он его не высказал, лишь еще сильнее сжал зубы и сквозь них выдавил:

— Спуститесь к ним?

— Нет, — холодно заявила я, не отводя глаз, — пусть проводят их сюда!

Герцог открыл было рот, но говорить ничего не стал, просто резко развернулся и вышел. Только тут я поняла, что до хруста выпрямила спину и держалась из последних сил. С уходом мужчины силы меня покинули, и я откинулась на спинку кресла.

Девушки тоже отмерли. Розы подошла тихонько и вновь занялась моими волосами, а Летти запричитала, всплескивая руками и то и дело прикрывая ладошкой рот:

— Ой, как нехорошо получилось! Ой, как плохо! Как же теперь-то... Разве можно так?

За две минуты с прической было покончено. На моем плече лежала тугая коса, а вокруг головы была пущена вторая, потоньше, которую Роза все-таки успела украсить шпильками с мелкими цветочками. Выглядело очень мило и вовсе не растрёпанно!

— Мы можем идти? — тихим голосом спросила Роза, хватая сестричку за руку и укоризненно на нее глядя.

— Да, спасибо вам, девочки! — от души поблагодарила я их, — только разверните мое кресло к двери!

Сделав, как я просила, девушки ушли, а через секунду в дверях уже стояли моя маленькая растерянная Софи и натянуто улыбающийся Андреас. При виде их у меня на глаза сразу же набежали слезы, а когда Софи бросилась мне на шею, я, не выдержав, расплакалась.

— Эви! Милая, что с тобой? Почему ты плачешь? — зачастила сестренка, сама шмыгая носом.

— Тебе здесь плохо, маленькая? — сжал мою руку кузен, с тревогой вглядываясь в мое лицо. — Тебя обижают?

— Нет, что вы! — начала я размазывать слезы по лицу и улыбнулась через силу. — Это я по вам соскучилась! А теперь я просто счастлива!

Мы просидели втроем больше часа, то обнимаясь, то смеясь, а то и плача. Кузен помог мне лечь на кровать, потому что день сегодня выдался очень суматошный, и с утра я еще ни разу не смогла прилечь и отдохнуть.

Софи расспрашивала меня про бал во дворце, про одежду местных модниц, про короля и королеву. Я старалась утолить ее любопытство, но с сожалением поняла, что ничего толком не рассмотрела. Поэтому и отвечала лишь общими словами, такими как «красиво, изумительно, дорого, богато, роскошно»... Правда, сестренка удовлетворилась и этим, всё же она еще слишком мала, чтобы что-то смыслить в моде, да и короля с королевой она уже видела на портретах в учебнике по истории государства, который ей приходилось изучать с приходящим учителем.

Андреас терпеливо ждал, когда Софи наговорится, и лишь с улыбкой наблюдал за нами, время от времени поправляя на мне тонкий плед или убирая невидимые пылинки со своего рукава. Наконец сестренка выдохлась и отправилась изучать мою комнату и вид из окон. Она подолгу стояла перед полками, прежде чем взять в руки какую-нибудь безделушку и рассмотреть ее вблизи. А потом зависла у окна, наблюдая с особым интересом то, как по улице проезжают богатые экипажи и пробегают служанки с поручениями от своих хозяев.

Этим сразу же воспользовался Андреас. Пересев ко мне поближе, парень взял мою руку в свои ладони и мягко погладил, а потом и вовсе поцеловал, с улыбкой заметив:

— Вроде бы расстались совсем недавно, а ты успела сильно измениться, Эви!

— Не прошло и дня, Андреас, о каких изменениях ты говоришь? — улыбнулась я.

— Сам удивляюсь, — признался он, — но за эти несколько часов ты заметно похорошела!

— Может быть, все дело в новых платьях? — предположила я, пожав плечами. — Дома ведь не нужно было прихорашиваться и делать какие-то прически, а тут положение обязывает в любое время дня и ночи выглядеть достойно звания жены герцога Ксорда.

Кузен подметил мою горькую улыбку, но тактично промолчал, лишь ободряюще сжал руку. Я решила воспользоваться случаем и расспросить его хотя бы о некоторых напрягающих меня моментах.

— Андреас, а напости мне, пожалуйста, как у нас появилась та кровать, в которой я лежала у нас дома? — спросила я. — Я очень удивилась, когда увидела тут точно такую же!

Кузен оглядел мое ложе и ответил:

— Ничего удивительного, ведь мы приобрели ее у герцога Ксорда!

— То есть у него есть магазин с такой мебелью? — поразила я.

— Магазины у него, насколько я знаю, нет, но мебель можно заранее заказать любую.

— Тогда, получается, у него есть мебельная фабрика?

— Фабрика? — переспросил Андреас. — Да нет, скорее, мастерская, где работают маги.

Я зарубила себе на носу обязательно поднять тему магии, а пока захотела раскрыть до конца этот вопрос о производстве специальной мебели для инвалидов.

— И давно Его Светлость занимается проблемами немощных? — спросила я.

— С тех пор, как его мать стала такой после страшного падения с обрыва, — понизил голос до шепота парень. — Насколько я знаю, она почти месяц перед смертью мучилась из-

за паралича конечностей. Старый герцог быстро переключился на молодых любовниц, но сын до последнего ухаживал за ней. Поэтому он и взялся за разработку таких конструкций, только, к сожалению, не успел. Герцогиня умерла во сне, и смерть ее была очень загадочной. Поговаривали, что ей помогли уйти за грань. Но Тармон не стал раздувать скандал. Ее похоронили в семейном склепе Ксордов. И произошло это десять лет назад.

— Печальная история, — произнесла я, задумчиво потирая подбородок. — А я и не знала, что Его Светлость так добр! Другой бы озлобился, а он решил помогать другим пострадавшим от несчастного случая...

— Теперь расскажи же о себе, Эви! — перебил мои философские размышления кузен. — Как к тебе отнеслись во дворце? Никто не обижал тебя? Герцог вел себя корректно?

Сразу же вспомнились нахальные графини, но я быстро прогнала их из своей памяти.

— Все было чудесно, Андреас! — ответила я, постаравшись улыбнуться искренне. — Король поздравил нас с бракосочетанием. А потом мы танцевали вальс.

— Танцевали? — не поверил тот. — В кресле?

— Нет, конечно, — рассмеялась я. — Герцог танцевал со мной на руках, и, мне кажется, никто его за это не осудил, по крайней мере, никто не возмущался и пальцем в нас не тыкал.

— Значит, тебе все понравилось? — недоверчиво спросил кузен.

— Безумно понравилось! — изобразила я на лице восторг.

Андреас, скорее всего, не поверил, но цепляться не стал. А я поспешила задать следующий интересующий меня вопрос:

— Почему дома вы не рассказывали мне о магии, Андреас?

Парень замялся лишь на секунду, но я все равно заметила.

— Просто не было подходящего момента, — дернул он плечом. — Понимаешь, так уж получилось, что никто из нашего рода не владеет магией. Да и вообще маги встречаются не во всех семьях. И это нормально, Эви.

Почему же мне тогда кажется, что кузен пытается убедить в этом себя, а не меня? Неужели чувствует себя ущемленным?

— Значит, ни у Клементов, ни у семьи Фрисов никогда не рождались маги? — спросила я.

— Никогда, — развел он руками.

— Жаль! — выдохнула я и увидела, как Андреас грустно опустил голову. — Эй, не грусти! — потрепала я его за волнистые волосы. — Ты же не один такой! Нас, я так думаю, большинство! Я права?

— К сожалению, — вздохнул парень. — Ведь если бы тогда у нас были способности к магии, мы бы имели возможность попробовать исцелить тебя!

— О чем ты говоришь? — не поняла я. — По-твоему, меня можно было бы поставить на ноги при помощи магии?!

— Тогда — да, — подтвердил кузен. — Но мы были так опечалены уходом Варлина и Офелии, что никто не догадался обратиться за помощью к магам, чтобы помочь тебе... А потом... было уже поздно!

Я была ошеломлена этой новостью! Вернее, даже ошарашена! Эвелина оказалась в таком положении по вине собственных родственников? У нас бы это назвали «преступной халатностью»! Не мудрено, что девушка целыми днями лишь плакала и истерила! Тем более, если она знала, что беда ее была поправима, но близкие ей люди вовремя не озаботились ее

лечением! И не был ли ее поступок, закончившийся моим переселением в ее тело, своеобразным протестом против тех, кто осудил ее на пожизненное лежание, хоть и обеспечил удобной кроватью?

Голова у меня разболелась от этих тяжелых мыслей. И встреча с сестренкой и кузеном начала уже угнетать. Умом я понимала, что не имею права обвинять этих людей, посвятивших себя заботе обо мне, ведь всем свойственно ошибаться! Но сердце всё равно ныло и скребло от невысказанных упреков.

Расстались мы немного торопливо. Думаю, Андреас был сам не рад тому, что рассказал мне об истинном положении вещей. А Софи никак не могла понять, почему он спешит покинуть мои покои, ведь тут так интересно!

В конце концов родственники ушли, а я прилегла на подушку и прикрыла глаза. Надо постараться забыть это гнетущее впечатление от признания Андреаса!

Но сон, утащивший меня в свои объятия, тоже не принес желанного спокойствия. Приснилась мне моя прошлая жизнь...

Почему Сергей буравит меня своими темно-серыми глазами? Лица прислонилась спиной к его груди и лениво прикрыла глаза, наслаждаясь его легкими поглаживаниями и прикосновениями настойчивых пальцев к вершинкам грудей, выступающим сквозь тонкую футболку. А парень, выводя затейливые узоры по коже подруги, глазами «ест» меня! Я старательно «не замечаю» его раздевающего взгляда, но то тут, то там у меня все свербит и чешется, словно он водит по мне не глазами, а пером или соломкой!

— Может, хватит уже?! — громким шепотом интересуюсь я, все же боясь, что меня услышит подруга.

— Ммм? — лениво отзывается парень, сжимая в пальцах чувствительный горошек на груди Лики, отчего та выгибается и тихо стонет. — Завидуешь? — одними губами произносит он, прищутив глаза.

У меня дыхание перехватывает от его наглости, и я внезапно просыпаюсь.

Что за дурацкий сон?! Почему мне все время снятся эти двое?

Перевернувшись на другой бок, попыталась снова заснуть, но тут в комнату постучали, и на пороге появилась экономка. Зарина была одета с иголочки, и сдается мне, что на ней не просто униформа. Потому что на темно-синем платье сияла яркая брошь, притягивающая взгляд к довольно аппетитной с точки зрения мужчин груди, да и верхние пуговицы, мне кажется, должны были бы быть застегнуты, а не выставлять на всеобщее обозрение ту самую пышную грудь.

Мгновение мы смотрели друг на друга, и только потом экономка удосужилась поприветствовать меня легким кивком. Мне кажется, или эта женщина действительно считает себя в этом доме полноправной хозяйкой? Если это на самом деле так, боюсь, спокойной жизни в качестве супруги герцога мне не дадут!

— Вы что-то хотели? — спросила я, по привычке нажав на нужный рычаг и приподняв изголовье кровати, чтобы не тянуть шею.

— Его Светлость велел сообщить, что сегодня не будет ужинать дома, — произнесла экономка, словно сделала мне одолжение. — Вам накрывать в столовой или принести в комнату?

— В комнату, будьте добры! — ответила я и отвернулась к окну.

Если герцог и дальше будет так пропадать, похоже, моя жизнь вновь покатится по наезженной дорожке — комната, кровать, кровать, кровать... Только если дома у меня были близкие для меня люди для коротания времени, то тут меня ожидало горькое одиночество.

Вспомнился недавний разговор с кузеном. Хоть не я была в теле Эвелины в те дни, когда было возможно ее излечение, но сейчас-то от одиночества приходится страдать мне! Вновь всколыхнулась обида, однако усилием воли я ее загнала поглубже. Ведь в ушах все еще звенели те загадочные слова: «Не для того тебе была дарована эта жизнь! Исправь свои ошибки!» Возможно, это тоже часть моего испытания? И какие же ошибки я совершила в своей прошлой жизни, из-за которых сейчас приходится расплачиваться?

Девушка, принесшая мне на подносе ужин, была пока незнакома. Впрочем, за этот день я более-менее близко познакомилась лишь с близняшками, рыжим Греггом да вот с Зариной. Поэтому просто кивнула в благодарность и принялась за еду.

Служанка сразу молча ушла, так что я даже удивилась, как потом уберу за собой пустую

посуду? Но, решив, что она скоро вернется, с удовольствием принялась за поджаристые куриные крылышки в пряном соусе. Мммм, моя голодовка протяженностью в целый день, вызванная стрессом, похоже, закончилась! И хорошо, что нет свидетелей того, как я поспешно уничтожаю принесенные мне запасы еды! Я бы просто не выдержала еще одного показательного приема пищи рядом с герцогом и его друзьями!

Выпив под конец компот из непонятных фруктов, я принялась терпеливо ждать появления служанки, чтобы передать ей поднос с пустой посудой. Но той всё не было. Тогда я решила немного потянуться и поставить его на тумбочку рядом с кроватью. В момент, когда я дотянулась, открылась дверь. Повернулась посмотреть, не та ли это девушка пришла, чтобы забрать у меня посуду, но голова внезапно закружилась, перед глазами потемнело, руки дрогнули, и вся посуда с подносом покатила на пол, издавая противный дребезг и грохот... Однако через мгновение в ушах зазвенело, а потом их словно забили ватой, и всё поглотила странная тишина...

* * *

Приходила я в себя очень тяжело. Болела голова, ломало все кости, выворачивало все внутренности... Казалось, я умираю, настолько мое состояние напоминало предсмертную агонию!

Глаза открыть не получалось, но из груди вырвался сдавленный тихий стон, услышав который, видимо, и поняли, что я пока жива. На лоб мне легла прохладная рука, другая взялась прощупывать пульс. А вскоре я ощутила поток легкого освежающего ветра, который начал проникать мне в грудь, будто очищая тело от боли и оставляя после себя приятную истому. Стало настолько хорошо от того, что всепожирающая боль исчезла, что я не заметила, как вновь уплыла в убаюкивающую тишину, и на этот раз это был уже лечебный сон, а не бессознательное забытье.

Когда получилось открыть глаза, была глубокая ночь. По крайней мере, вся комната была погружена в темень, лишь из окна на пол падал отсвет от какого-то то ли фонаря, то ли другого источника света.

Ничего не болело. И это было странно, хоть и чудесно! Я еще помнила, как мучилась от скручивающей боли по всему телу, и, как ни странно, сейчас мне казалось, что у меня тогда даже кости на ногах ныли, несмотря на то что за те дни, что я обитала в теле Эвелин, ни разу не помнила, чтобы ноги мои хоть что-то чувствовали! Это тоже было странно. Но я читала, что такое бывает. Ведь даже безногие жаловались на то, что у них болит или чешется нога, которой на самом деле у них и не было! Вероятно, со мной тоже произошло что-то подобное.

Я оглянулась. Глаза начали привыкать к темноте. И неожиданно я увидела, что очень близко к моей кровати стоит кресло, в котором кто-то сидит! Скорее, спит сидя. Потому что оттуда слышалось размеренное дыхание, а временами даже тихий сап. Это кого же приставили ко мне в качестве сиделки? Надеюсь, это Розы или Летти, потому что только этих девушек сейчас я готова была терпеть рядом с собой. Но будить девушку, чтобы узнать, кто это, я не стала. Пусть спит, ведь ночь на дворе. А я как раз в тишине поразмышляю, что же со мной произошло?

Судя по тому, что плохо мне стало после ужина, я съела что-то не то. Ведь ни с того ни с сего случиться такой приступ не мог! Как бы меня ни огорчили события, произошедшие в последние сутки, чувствовала я себя после дневного сна вполне сносно. Еда была вкусной, так что об отравлении некачественными продуктами речи быть не может! Неужели

случилась пищевая аллергия? Но все блюда, которые я ела, были мне уже знакомы, Элеонора часто баловала меня различными вкусностями. Единственное, что вызвало подозрение — это компот. С чуть заметной кислинкой, он был не очень узнаваем. Нужно будет спросить у повара, из чего он был сварен, чтобы больше не рисковать своим здоровьем и не использовать в пищу то, что мне не подходит!

Осталось теперь узнать, как меня вылечили. И об этом я тоже спрошу у того, кто занимался моим здоровьем. Прохладная рука на лбу была очень приятной, и я обязательно должна поблагодарить того, кто облегчил мое состояние!

Тут я решила перевернуться на бок, но, едва я пошевелилась, человек в кресле проснулся и, быстро протерев глаза, потянулся к моей руке. Не успела я удивиться, как моего запястья коснулись крепкие пальцы, а другая рука привычно легла на лоб, и руки эти были отнюдь не женские!

Я внутренне тихонько ахнула от осознания того, что меня осматривал врач мужчина, но потом сразу вспомнила, что в этом мире женщины-врачи чрезвычайная редкость! Так что ничего страшного, по сути, не произошло! И репутации моей, надеюсь, это ничем не грозит, ведь я теперь как-никак девушка замужняя, не хотелось бы слышать осуждение от двуличных сплетниц наподобие вчерашних кумушек!

— Вижу, вы проснулись, леди Эвелина? — спросил вдруг мужчина знакомым голосом... Густава Ксорда! — Как вы себя чувствуете?

Ничего себе! Это что же, меня всю ночь караулил Его Светлость? Неожиданно! Не нужно было отвечать на вопрос, поэтому я промямлила:

— Благодарю вас, Ваша Светлость! Уже хорошо.

Мужчина несколько секунд считал мой пульс и, видимо, оставшись довольным, проговорил:

— Прекрасно! Будем считать, что вы родились в рубашке!

— Почему же? — решила я спросить.

— Потому что я вернулся очень вовремя и успел предотвратить то, что задумали... Впрочем, неважно! Главное, всё позади!

— Простите, но я не совсем вас поняла, — захотелось мне всё же выяснить, что со мной произошло. — Что это было? Аллергия на компот? Там были какие-то непривычные для меня фрукты?

Мужчина щелкнул пальцем и на столе на изголовье кровати зажглась то ли небольшая свечка, то ли ночник, отчего в комнате стало намного светлее, так что я успела заметить недовольство на чуть осунувшемся лице своего мужа. Неужели сердится на меня за то, что доставила хлопот?

— Боюсь, это была не аллергия, Эвелина! — лицо у герцога вновь стало безэмоциональным, поэтому я старалась уловить его чувства по голосу и содержанию слов. — Вас пытались отравить.

— Как?! — воскликнула я, растерявшись. — Кто? За что?

— Я обязательно это выясню, даю вам слово, — ответил он. — А пока постарайтесь поспать. Не бойтесь, я побуду с вами рядом.

Вероятно, он пытался меня успокоить, мне же, напротив, стало страшно! Меня пытались отравить?! В первый же день, как вышла замуж! Как я могу быть спокойна, если в этом доме в любой момент могут повторить покушение? Но кому я помешала? Если бы я сама еще хотела за герцога замуж! А так ведь даже не виновата ни в чем!

Хотелось истерично рассмеяться, или, еще лучше, пореветь с криками: «Верните меня домой!» Но, как настоящая леди, я, конечно, не стала делать ни того, ни другого. Какие бы страсти ни бушевали в груди, нужно держать себя в руках! Поэтому я постаралась сказать как можно спокойнее:

— Ваша Светлость, вам ведь неудобно в кресле!

— Предлагаете лечь с вами? — иронично улыбнулся мужчина.

— Ни в коем случае! — выпалила неосознанно и покраснела. — Нет, я хотела сказать, что вы можете идти спать в свою кровать, а не сидеть здесь всю ночь.

— А если захотят довести начатое до конца? Не бойтесь? — спросил герцог, вздернув

густую бровь.

— Боюсь, — ответила честно. — Но я верю в судьбу и знаю, что от предначертанного не спрятаться и не сбежать.

— Это глупо! — резко парировал Его Светлость. — Нельзя пассивно ждать неизбежного!

— А смысл? Если оно неизбежно? — упрямо повторила я.

— Если верить вашим словам, то и сегодня я не должен был вмешиваться? Должен был дать вам умереть?

— Ну почему же? — слабо улыбнулась я. — Ведь то, что вы спасете меня, это тоже уже было заранее известно. Судьба!

— Какие-то пессимистические у вас теории! — буркнул герцог, но покидать свое кресло не спешил. — Пожалуй, каждый останется при своем мнении! Поэтому спите и ничего не бойтесь!

— Спасибо вам, Густав! — поблагодарила я от всего сердца, а мужчина, впервые услышав из моих уст свое имя, вздрогнул и обжег меня нечитаемым взглядом.

Но мне было все равно, разозлился он на это или обрадовался, главное — я высказала спасибо от души, потому что не привыкла быть неблагодарной!

Повернувшись к креслу спиной, я немного полежала, вспоминая свою жизнь в этом мире, и незаметно для себя снова уснула без всяких сновидений и кошмаров.

Наутро я была одна в комнате. Стало немного обидно. А ведь обещал стеречь! Но потом я встряхнула головой и прогнала все обиды прочь. Он и так всю ночь просидел в кресле, имеет же человек право на полноценный отдых? Тем более что никто в дверь не ломился и не угрожал моей жизни.

Вчерашнее происшествие неприятно свербело в сердце. Было больно от того, что меня заранее приписали во враги и решили от меня избавиться! Хотелось доказать, что я неплохой человек и никому вредить не собираюсь. Но не буду же я с плакатом ездить по дому и всех убеждать в том, что не имею предосудительных намерений в отношении кого-либо! Хотя... это было бы забавно!

Но губы, начавшие разъезжаться в улыбке, быстро поджались, стоило в дверях появиться разгневанному герцогу в сопровождении бледной, как смерть, экономки.

— Леди Эвелина, прежде чем принести завтрак, Его Светлость велел привести к вам служанок для опознания вчерашней отравительницы, — дрожащим голосом пролепетала Зарина, не поднимая глаз.

— Всех? — испугалась я.

Просто не уверена, что они всей гурьбой в моей комнате поместятся.

— По одной! — уточнил герцог, поняв, что я имела в виду. — Вы ведь узнаете ее, Эвелина?

— Не знаю, не уверена, — засомневалась я.

— Всё же попытайтесь, — немного мягче попросил мужчина, на что я обреченно кивнула.

Не хотелось бы кого-то обвинить в таком страшном преступлении по ошибке!

Герцог разместился у окна и внимательно следил за процессом опознания. Зарина по одной вводила в комнату служанок, трясущихся от страха, из-за чего я решила, что незадолго до этого им довольно сильно попало или от хозяина, или от экономки. Бедняжки ступали в комнату, опустив голову, но как только Ксрд открывал рот, чтобы сделать им замечание,

они с отчаянием преступника, приговоренного к смертной казни, вздергивали подбородки и смотрели на меня — кто-то с надеждой, кто-то с тревогой, кто-то даже с неприязнью, хотя, будь я на их месте, поостереглась бы выражать свои истинные чувства перед хозяином, особенно, если чувства эти — до такой степени явно отрицательные!

К счастью, никого из них я не опознала. Глупо, конечно, радоваться тому, что возможная убийца была не найдена. Казалось бы, это означало, что каждую минуту мне теперь придется озирааться в страхе за свою жизнь. Но то, что той девушки здесь не было, для меня значило, что убийца пробралась откуда-то снаружи, то есть в самом доме никто от меня избавляться не собирался! Хоть и слабое это утешение, но всё равно принесло мне толику спокойствия.

— Всё! — отчиталась Зарина, когда последняя девушка вышла с облегченным вздохом из моей комнаты. — Больше служанок нет.

— Странно... — произнес герцог, потирая свежесбривший подбородок. — Может быть, кто-то со вчерашнего вечера успел уволиться?

— Нет, Ваша Светлость, — ответила женщина, которая тоже немного отошла от шока и вернула себе цвет лица. — Все служанки, принятые мной на работу, здесь.

Тут в дверь постучались, и в комнату просунулась голова Грега.

— Простите, Ваша Светлость, я нашел то, что вы велели!

— Прекрасно! — вскочил с места мужчина, вновь напугав экономку, которая за последние полчаса так резко менялась с бледной на пунцовую, что я немного испугалась за ее состояние. Как бы insult не хватил бедную женщину!

— Леди Зарина, прошу вас, побудьте с Эвелиной, пока я не вернусь! — коротко бросил ей герцог, широкими шагами покидая мою комнату.

Как только дверь за ними закрылась, экономка прислонилась спиной к стене и прикрыла глаза.

— Что с вами? — спросила я участливо. — Вам плохо? Может, присядете?

Женщина возмущенно взглянула на меня и, тихо хмыкнув, быстро прошла к креслу, в котором провел ночь герцог. Специально повернув его к окну, чтобы не видеть моего лица, она уселась и аккуратно расправила ткань платья, застыв каменным истуканом с неестественно прямой спиной.

Я понимала, что, по большому счету, этой женщине не за что меня любить или уважать. Однако хотя бы элементарной вежливости никто не отменял! Мне, например, тоже не очень приятно чувствовать себя непрошеной гостьей в этом доме, но ведь это не повод на меня покушаться?!

Тем не менее, решила побыть обходительной и снова обратилась к Зарине:

— Думаете, кто-то хочет моей смерти?

— А вы как думаете? — зыркнула она на меня, повернув голову. — Или вы считаете, что кто-то просто решил пошутить, подсыпав вам в компот яду?

— В компот? Так это уже выяснили? — спросила я.

Экономка вновь сошла с лица и пробормотала:

— Какой компот? Я не говорила «компот»! Вам послышалось!

Она вцепилась пальцами в подлокотники и застыла, как изваяние. Как бы я ни пыталась ее разговорить, женщина по-партизански молчала. Всё это было очень и очень странно! Ну не могла же она сама организовать это отравление? Или могла? Да нет, не может быть! Ведь я ничего плохого этой женщине не сделала!

Измучившись неизвестностью, решила просто дождаться появления герцога. Не зря же он так стремительно выскочил, услышав слова Грега!

Время тянулось, как резинка. Экономка сидела без движения, уставившись в окно и сцепив зубы, будто готовая к пыткам. Начинать разговор с ней было бесполезно. Но сидение в тишине напрягало. И я, сама не заметив, начала тихонько напевать себе под нос незатейливый мотивчик, который мне часто пела в детстве мама: «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю! А то с краю упадешь и головку расшибешь»... Каково же было мое удивление, когда внезапно голова Зарины с мягким стуком упала на спинку кресла, а вскоре с ее стороны раздался и довольно не женский храп! Я даже потянулась посмотреть, действительно ли женщина уснула, потому что пела я от силы одну минуту!

Но слух меня не обманывал. Экономка то храпела, то сладко почмокивала губами, причем с таким вкусом, словно дегустировала вкуснейшие десерты мира!

Прошло не менее двадцати минут, когда, наконец, дверь в комнату распахнулась, явив чрезвычайно взбудораженного герцога Ксorda. Он не сразу заметил, что женщина спит, а когда увидел, то безмерно удивился.

— Что здесь происходит?! — взорвался он, потеряв терпение. — Леди Зарина! Как вы умудрились так крепко заснуть? Притом, имея такой большой грех за душой?!

От его голоса женщина вскочила еще до того, как проснулась. Поэтому обратно шлепнулась в кресло и расфокусированным взглядом попыталась осмотреться. Это стало последней каплей в чаше терпения Его Светлости. Густав резко раскрыл дверь и крикнул:

— Охрана!

В комнату влетели два огромных детины, очень напоминающие вышибал в ночных клубах нашего мира.

— Арестуйте леди Зарину! — отчеканил мой муж, сдвинув брови и сурово уставившись на экономку. — Она обвиняется в халатном отношении к своим обязанностям, из-за чего чуть не произошло убийство!

Я с открытым ртом наблюдала за этим представлением, не решаясь вставить хоть слово. Значит, все-таки эта женщина имела отношение к моему отравлению! И про компот она сказала не просто так!

— Я... не понимаю, о чем вы говорите, Ваша Светлость! — пролепетала Зарина озираясь. — Что-то случилось? О каком убийстве вы говорите?

— Не нужно притворяться, леди! — отрезал герцог. — Грег нашел следы вашей племянницы, которая приходила вчера помогать вам! Но вы не представили сегодня ее леди Эвелине! И что-то мне подсказывает, что именно она и приходила к моей жене с ужином!

— Но у меня нет племянницы, Ваша Светлость! — вскричала экономка, заламывая руки. — Это какая-то ошибка! Прошу вас! Умоляю! Выслушайте меня!

— В полицейском участке вас внимательно выслушают! — с этими словами охрана подхватила женщину за руки и вывела из комнаты.

Все это время я молчала, переваривая то, чему свидетелем стала только что. Мне показалось, что женщина была искренней, заявляя, что не имеет отношения к этому преступлению. Хотя про компот она и первой высказалась, но ведь официального подтверждения тому, что яд был в компоте, еще не было! Поэтому я решила вступить за экономку. Как только Густав повернулся ко мне, выпроводив всех из комнаты, я проговорила:

— Ваша Светлость, могу я вас попросить?

— О чем? — вскинул мужчина задумчивый взгляд.

— Вы не могли бы ввести меня в курс дела, рассказать, что вы разузнали?

Герцог пару секунд внимательно изучал меня, а потом решительно придвинул кресло к кровати и, усевшись в него, начал говорить:

— Я не хотел вас нагружать этими проблемами, но... Вы имеете право знать, Эвелина.

— Прежде всего, Ваша Светлость, ответьте мне на вопрос, где был яд? В компоте? — поспешила я для себя выяснить.

— Нет, почему вы так решили? — удивился мужчина.

У меня словно гора с плеч упала.

— А где же тогда?

— В соусе, с которым подали курицу. Но почему вы спросили про компот, Эвелина? — настоял герцог на ответе.

— Понимаете, мне кажется, что леди Зарина не имеет отношения к покушению на меня, — вновь пропустила я вопрос мимо ушей. — Она-то как раз была уверена, что отравленным был компот!

— С чего вы так решили? Неужели леди Зарина вам сама призналась? — опешил Егс Светлость.

И я рассказала про короткий разговор между мной и экономкой.

— Поэтому я уверена, что она не виновата! — с жаром повторила я.

— Вероятно, вы меня не совсем поняли, — мягко возразил мужчина. — Я говорил не о ее прямом участии в этом преступлении. Вчера она не проследила за тем, как вас кормили ужином, хотя я напрямую озвучил свою волю. Она же, вместо того чтобы сопроводить вас в столовую, лишь прислала служанку и даже не поднялась с ней, чтобы помочь вам!

— Но я сама не захотела... — начала было я оправдывать женщину, но, увидев нахмуренные брови мужа, прикусила язык.

— Эвелина, есть жесткие правила, которых должна придерживаться прислуга. Со временем вы их изучите и сами будете требовать их исполнения от обслуживающего персонала. Не думаю, что чрезмерное панибратство со служанками и лакеями поднимет вашу значимость в их глазах. Скорее, потеряете даже те крохи уважения, которые вам полагаются по умолчанию.

— По умолчанию?

— Как моей законной супруге и дочери уважаемых родителей.

Эти слова неприятно резанули по ушам и сердцу, выбив обидные слезы, но я быстро справилась с чувствами и, спрятав их поглубже, холодно выдала:

— Я учту это, Ваша Светлость!

— Будьте любезны! — так же холодно ответил герцог и, вскочив с кресла, разгневанный вышел из комнаты.

Вот и поговорили...

За всеми этими хлопотами и проблемами про меня, кажется, совсем забыли. Уже подходило время обеда, а у меня еще крошки во рту не было. В комнату никто не заходил, а сама позвать кого-либо я пока не умела.

Когда в очередной раз в животе противно заурчало, меня внезапно охватил гнев. Да что они себе позволяют?! Меня что, в камеру на голодный паек посадили? За какие такие грехи меня тут морят голодом? Не скажу, что я люблю поесть и предаюсь чревоугодию, но на такую бессрочную диету я не подписывалась!

Оглянувшись по сторонам и заметила в углу то самое кресло, в котором меня возили во дворец короля. До него не меньше двух метров, так что дотянуться никак не смогу. О том, чтобы попытаться доползти, и речи быть не может. Помнится, в предыдущий раз, когда настоящая Эвелина решилась на этот подвиг, дело закончилось крайне плачевно!

Что же мне делать? Так и ждать, пока про меня вспомнят и придут спасать от голода? Хоть бы Летти с Розы наведались! Неужели их напугала утренняя экзекуция? Вот пусть только зайдет этот несносный герцог, я ему выскажу, каково это — не иметь возможности связаться с кем-нибудь и страдать не только от голода, но и от одиночества! Да я ему...

— Вы звали, госпожа? — вдруг раздалось тихое со стороны двери.

— Розы?!

Не передать словами, как я обрадовалась скромной девушке, заглянувшей ко мне в комнату!

— Да, госпожа! Вы что-то хотели?

— Да! Будь добра, принеси мне, пожалуйста, чего-нибудь поесть!

— Ох, госпожа, вам ведь и завтрак не дали! — всплеснула девушка руками. — В доме творится что-то непонятное, Его Светлость рвет и мечет, леди Зарину увезли... Все служанки жмутся по углам и с тревогой ждут каких-то санкций... Всё же это впервые на моей памяти — покушаться на хозяйку!

Для тихой Розы такой длинный монолог был совсем неприсущим. Видно, в доме действительно, как она и говорит, происходит что-то странное и непривычное! Но я поспешила разузнать то, что для меня было на данный момент важнее всего:

— Розы, а как можно вызвать служанку, лежа в этой кровати? Есть какое-нибудь устройство для этого?

— Конечно, госпожа Эвелина! Если вы нажмете вот на эту кнопочку, в столовой раздастся колокольчик и вам принесут поесть. Если вот на эту — придут вас переодеть и помочь с туалетом. А вот эта кнопочка — чтобы вызвать уборщицу.

— Надо же, а всё было просто, оказывается! — улыбнулась я. — Так ты мне поможешь с обедом?

— Конечно, Ваша Светлость! Я мигом! — и Розы резво убежала выполнять мое поручение.

Вместе с надеждой на сытную еду появилось и хорошее настроение. Я решила хорошенько расспросить о возможностях своей кровати у служанок. Дома как-то не приходилось пользоваться дополнительными кнопками — Элеонора не оставляла меня без внимания, да и Софи почти целыми днями была рядом, так что ни на какие кнопки нажимать не было необходимости. Ну, а герцог, видимо, думал, что раз у меня кровать из

той же серии, то я в курсе всех ее функциональных свойств. Настоящая-то Эвелина, может быть, и была в курсе, но я ведь не она! Хотя, это большой-большой секрет, который ни в коем случае раскрывать не стоит!

В комнату с большим подносом вошла одна из служанок, которую мне предъявляли утром для опознания преступницы. Несмотря на ее немного затравленный вид, смотрела она на меня без ожидаемой неприязни, а скорее с любопытством.

— Как тебя зовут? — спросила я, почувствовав к ней особое расположение.

— Лисента, Ваша Светлость! — присела она в книксене, поставив поднос на низенький столик рядом с кроватью.

На вид она выглядела почти моим ровесником, разве что на год-другой старше. Несмотря на предостережение герцога, мне захотелось сделать ей приятное, даже если это будет только лишь доброе слово.

— Спасибо тебе, Лисента! — от всей души поблагодарила я ее, отчего она засмузилась и, раздумываясь, ответила:

— Так ведь не за что, госпожа, это моя работа!

— А ты подождешь тут, пока я обедаю? — спросила я, вспомнив, что муж что-то говорил про то, что экономка должна была побыть со мной рядом, пока я не поем.

— А вы хотите, чтобы я ушла? — напугалась почему-то девушка. — Но Его Светлость...

— Нет-нет, что ты! — поспешила я ее успокоить. — Поступай, как хочешь, вернее, как должна.

Девушка немного расслабилась и затараторила, сервируя столик для завтрака в постель:

— Вы не бойтесь, Ваша Светлость, еда проверенная, безопасная, у нас повар очень вкусно готовит, и никогда такого не было, чтобы у кого-нибудь от его стряпни даже живот прихватило, а не то, что отравился! Если хотите, я могу прямо при вас каждое блюдо попробовать, чтобы вы были спокойны насчет безопасности...

— Нет, Лисента, я верю твоим словам и совсем не боюсь! — ответила я, поднося ко рту первую ложку с наваристым супом из морепродуктов. Потом подумала, что девушка хотела бы сама попробовать всё, и заметила, как бы ненароком. — Но, если хочешь, можешь принести еще тарелку с ложкой, и я тебе положу всего понемножку.

Осознав, что я, по сути, приглашаю ее разделить со мной трапезу, девушка сперва растерялась, но потом замахала руками и рьяно начала отказываться.

— Я лучше пока тут пыль протру! — воскликнула она и упорхнула за тряпочкой.

Если честно, я обрадовалась тому, что не нужно обедать при надзирателях, потому что через пять минут, когда Лисента пришла с влажной тряпкой, я уже сыто откинулась на спинку кровати и блаженно прикрыла глаза.

— Ой, а вы уже?.. — опешила она, увидев пустую тарелку из-под супа, и занялась переменной блюд, вновь не переставая болтать. — Это хорошо, что у вас аппетит хороший, значит, уже поправились! Вот Его Светлость обрадуется, когда вернется!

— А Его Светлость куда-то ушел? — поинтересовалась я, отправляя в рот дымящуюся паром ложку второго блюда.

— Ну да, вот как только вышел из вашей-то комнаты, так сразу и поехал куда-то! — поделилась новостью Лисента. — И ничего никому не сказал, только глянул сурово — и всё!

— Извини, что вам всем из-за меня попало! — воспользовалась я случаем. — Я ведь не знала даже, что кто-то пытался меня отравить, решила, что у меня аллергия началась на что-то. Так что передай, пожалуйста, всем, что я сожалею о случившемся инциденте.

Девушка вновь разругалась, но в этот раз, кажется, от удовольствия, что именно ей выпала честь передать извинения хозяйки остальной прислуге.

— Что вы, Ваша Светлость! — пролепетала она. — Никто же на вас не сердится! И это хорошо, что никто из наших не был виноват! Мы тут люди простые, ни на кого зла не держим. Да и Его Светлость с нами очень щедр и добр! Так что никто из прислуги не осмелился бы на вас покушаться, ведь вы — его жена!

Так, старательно делая друг другу комплементы, мы провели последние полчаса. Пока я уже не спеша доедала вкусный десерт, Лисента на самом деле прошлась по комнате с влажной уборкой, вытирая невидимую пыль и поправляя на сантиметр-другой стоящую в комнате мебель. И когда очередь дошла до подоконника, она поднялась на цыпочки, чтобы рассмотреть что-то у парадного подъезда, и воскликнула:

— А вот и сам герцог! Ого, и леди Зарина с ним! Значит, ее тоже отпустили! Это очень хорошо! Она очень строгая, но справедливая, так что все мы ее хоть и боимся, но очень уважаем! Пойду всех обрадую! Можно?

— Можно! — усмехнулась я, и девушка вихрем полетела к своим товаркам, совсем забыв про пустую посуду.

Но я не стала ее останавливать. Как и Лисента, я была рада, что с экономкой всё решилось положительно, поэтому просто начала ждать, когда меня посетит Его Светлость герцог Густав Ксрд. Интересно, насколько он честолюбив? Найдет ли в себе силы перебороть гордость и признать свою ошибку?

В мою комнату Его Светлость так и не зашел. Не скажу, что сильно ждала и жаждала услышать его извинения, но осадок на душе остался. Значит, вот так, да? Ни во что меня не ставите? Ну конечно, кто я такая, чтобы вводить меня в курс дела или спрашивать моего мнения!

Зато зашла леди Зарина. И выглядела она непривычно тихо и скромно. Пришибленно, что ли? Неужели так подействовали несколько часов, проведенные в полицейском участке? Как бы то ни было, женщина робко постучала в дверь, а когда я разрешила войти, чуть ли не в ноги мне бросилась.

— Спасибо вам, Ваша Светлость! Мне сказали, что вы за меня заступились перед Его Светлостью герцогом. Простите меня, что не доглядела и допустила страшную оплошность! Но вчера вечером мне передали, что на заднем дворе меня ждет какой-то почтенный старик, который хочет со мной поговорить. Я вышла и долго искала его, однако так и не нашла. Вероятно, старик не дождался и ушел. А в это время, оказывается, в дом пробралась какая-то девушка и принесла вам отравленную еду. Мне очень жаль, что вам пришлось страдать!

Я видела, что экономка говорит от чистого сердца и действительно раскаивается в том, что не сумела предотвратить несчастье.

— Прошу вас, леди Зарина, встаньте! — попросила я. — Случившегося уже не вернуть, и я понимаю, что вы тоже оказались жертвой обмана, ведь не зря совпали эти два события. Я думаю, никакого старика и не было, а если и был, то приходил лишь для того, чтобы заставить вас выйти из дома. В любом случае, я рада, что вы не виноваты! И я хотела бы заслужить ваше расположение, потому что теперь являюсь хозяйкой этого дома и не желаю, чтобы прислуга от меня шарахалась. Уверяю вас: я никому из вас не желаю зла и не собираюсь вводить какие-то особые порядки, лишь бы показать свою власть. Я довольно непритязательна, поэтому хочу только одного: спокойной и безопасной жизни. Надеюсь, я могу на это рассчитывать?

— Без сомнения, леди Эвелина! — горячо уверила меня женщина. — Я лично буду всегда следить за вашей безопасностью!

В общем, разошлись мы с ней вполне довольные друг другом. Пусть и через испытания, но в этом доме у меня тоже начали появляться сторонники, а значит, от одиночества я страдать не буду.

Оставшиеся часы пролетели быстро. Меня накормили вкусным ужином, причем леди Зарина не отходила от меня ни на шаг. Она принесла даже книги, чтобы я могла читать, а перед сном взбила подушки и собственноручно укрыла меня пушистым пледом.

— Его Светлость дома? — спросила я перед тем, как сладко уснуть.

— К сожалению, у него появились срочные дела, и он вынужден был уехать, — подсластила пилюлю экономка.

Спасибо, что попыталась оправдать его перед молодой женой. Главное, чтобы среди прислуги не поползли слухи о том, что наш брак — лишь для отвода глаз короля, и личная жизнь их хозяина после женитьбы не поменялась ни на йоту. Было бы обидно чувствовать жалость или презрение со стороны своих слуг...

Без особых потрясений прошла неделя. Моя жизнь в доме герцога начала налаживаться. Мы изредка встречались с хозяином дома. Пару раз он заходил ко мне в комнату пожелать

доброе утро и поинтересоваться моим здоровьем, еще пару раз мы встретились в столовой, куда меня иногда уговаривала спуститься леди Зарина. В остальное время ко мне приходили поболтать Летти с Розы, ненавязчиво меня переодевая и причесывая в процессе разговоров. Я было попыталась сопротивляться, говоря, что все равно ни с кем не вижусь, но меня быстро одернули, передав дословно слова Его Светлости: «Леди Ксфорд должна выглядеть на высоте в любое время суток!» Поэтому меня переодевали аж по три раза, принося платья изумительной красоты и разных расцветок и фасонов.

Как-то раз в гости пришли Элеонора с Софи, которая все уши прожужжала своей рыжей воспитательнице, как у меня красиво и богато! Естественно, поплакали, пообнимались, посмеялись, вспоминая прошлую жизнь, по-быстрому обменялись новостями, и Элеонора быстро ушла, чуть ли не насильно таща за собой сестренку.

— Граф Седрик обещал зайти, нужно проследить, чтобы приготовили его любимую копченую макрель с анчоусами! — смущенно оправдалась она. — В последнее время он редко заходит, совсем про нас забыл!

— Передавайте ему сердечный привет от меня! — попросила я, улыбнувшись.

Ох, не зря, кажется, Элеонора так старается ему понравиться! Уверена, этот друг семьи очаровал ее своими манерами!

— Он, кажется, сам собирался на днях навестить тебя, дорогая! — вспомнила женщина. — Так что скоро сама с ним встретишься!

— Хорошо! — обрадовалась я.

Всё же этот седой и худой, но очень живой старичок с карими, с золотыми крапинками глазами успел привязать меня к себе. И, общаясь с ним, я словно возвращала своих родителей, потому что именно он был самым близким их другом и советчиком!

Часто ко мне заходила и Лисента, с которой мы успели сблизиться. Мне кажется, что от нее я нахваталась оптимизма и вечной надежды на лучшее. О чем бы она ни говорила, ее речь перемежалась словами «хорошо» и «очень хорошо».

— Это очень хорошо, что вы решили спуститься пообедать в столовую! — щебетала она, пока пересаживала меня вместе с близняшками в коляску. — Его Светлости будет не так одиноко!

Или:

— Хорошо, Ваша Светлость, что вы надели это платье, оно так подходит вашим глазам!

А однажды она выдала:

— Так хорошо, леди Эвелина, что вы оказались такой!

— Какой? — удивилась я.

— Доброй! И молодой! И красивой! — начала она перечислять, сгибая пальцы.

— И для кого же это хорошо? — улыбнулась я. — Для вас?

— Для Его Светлости, конечно! — округлила она глаза. — А то мы тут так боялись, что он женится на одной из своих злобных... ой! Простите ради всех богов, леди, я тут разболталась, сама не понимаю, что говорю!

И как бы ни было мне любопытно, я не стала спрашивать про этих злобных кандидаток в жены герцога, потому что принципиально не хотела портить себе настроение! Ну и что, что они были?! И пусть даже не одна! Но меня это не касается! Здесь и сейчас есть только я! Добрая! Молодая! И красивая!

Поэтому я притворилась, что пропустила эти слова милой болтушки мимо ушей.

А еще я стала замечать, что начинаю скучать по своему мужу. Когда не вижу его целый

день, к вечеру становится грустно и одиноко, как бы ни старались развлекать меня служанки и леди Зарина. А в те дни, когда мы с ним встречаемся, настроение у меня намного улучшается. Хотя в короткие встречи герцог и редко когда удостаивает меня своей улыбкой или пары фраз вежливости. Наверное, я просто начинаю привыкать, что с Густавом Ксордом мы делим один дом, пусть даже он бывает в нем очень и очень редко!

Грег в последние дни также перестал показываться. Возможно, это из-за того, что герцог приставил его ко мне лишь за пределами дома, когда нужно куда-либо съездить. А раз выхода в свет пока не было, то и рыжеволосому парню приходится выполнять свои прямые обязанности, а жаль! Я хотела все-таки разузнать у него про магию этого мира, а заодно и проверить его телепатические способности. Правда, то ожерелье с серьгами все еще было на мне, и я уже привыкла к их приятной тяжести на шее и в ушах. А по словам Грега, они не пропускают мои мысли наружу, так что с чтением мыслей все равно пришлось бы повременить.

И вот в одно утро мне сообщили, что ко мне пришел граф Седрик и просит разрешения подняться.

— Конечно, пропустите его! — воскликнула я, откладывая очередной роман о любви, которые мне постоянно таскала из библиотеки леди Зарина. — Я очень рада его видеть!

— А уж я-то как рад! — сообщил мне дядя Миха, обнимая меня. — Ну, как ты, моя девочка? Всё хорошо?

— Всё просто отлично, ведь вы тут, со мной! — улыбнулась я.

Но как же я ошибалась!

Мне не дали с ним по душам поговорить! Буквально в следующую минуту в комнату заглянула служанка и сообщила, что Его Светлость требует, чтобы через двадцать минут я была готова выехать с ним на прием к королю! За двадцать минут! К королю!!

Услышав эти слова, которые служанка произнесла с огромным сожалением, потому что тоже понимала, что за это время просто нереально не то, что подобающе для случая нарядиться, а элементарно душ принять! — скривилась не только я, но и граф Седрик.

— Неужели нельзя было сообщить о приеме заблаговременно? — негромко возмутился старик. — Он что, не в курсе, что ты сильно ограничена в движениях?!

Как бы ни было самой обидно, постаралась успокоить доброго старика, придумав оправдание поступку мужа:

— Вероятно, он просто не успел меня предупредить, потому что целый день был в отъезде. Но ничего не поделаешь, Ваше сиятельство, я вынуждена вас проводить...

— Ничего, девочка моя, я постараюсь в ближайшее время вновь зайти к тебе с визитом! Надеюсь, в следующий раз таких неожиданных сюрпризов не будет.

Поцеловав меня в лоб, граф поспешно вышел, а меня в экстренном режиме начали приводить в товарный вид, то есть купать, переодевать и делать элегантную прическу.

За двадцать минут, конечно же, не успели, а когда меня все же вывезли в холл пред ясны очи герцога, он придиричиво оглядел меня и заявил:

— Вы опоздали на двадцать минут! Мы никуда не едем!

— Как?! — задохнулась я от негодования. — Я не солдат на плацу, чтобы собираться за столь короткий срок! Вы могли бы предупредить меня заранее, хотя бы намекнуть, что намечается поездка во дворец! Если бы еще я могла собираться сама, было бы намного быстрее, но вы ведь и сами знаете, что я совершенно беспомощна!

От злости на глаза навернулись слезы, но я отвернулась от герцога и нервно смахнула их. Что за бесчувственный чурбан мне попался в мужья?! Ни поговорить, ни по-человечески пожалеть даже не может! Хотя... нужна ли мне его жалость? Это последнее чувство, которое я бы хотела от него получить!

Летти, сопровождавшая меня к герцогу, став свидетельницей нашей перепалки, вся сжалась и притворилась мебелью. Как бы ни горела праведным негодованием, я внезапно осознала, что не хочу вводить в курс наших отношений, а вернее, в отсутствие оных, прислугу. Не хочу выступать в их глазах в роли истеричной злыдни или, боже упаси, несчастной брошенки! Но гнев уже успел из меня выплеснуться, а слово, как известно, не воробей! Надо было срочно придумывать, как оправдать свой нервный срыв!

Герцог между тем странно помалкивал. То ли не стал даже слушать мои претензии, то ли совсем ушел из комнаты?

Обернулась и вздрогнула. Его Светлость стоял в шаге от моего кресла и с задумчивым видом оглядывал мою фигуру. И когда успел так бесшумно подойти?

— Вы не беспомощны, Эвелина! — произнес он наконец вполне спокойным голосом, что я с удивлением взглянула в его глаза, в которых не видно было ни капли осуждения или недовольства. — Я позову Грега, чтобы он показал вам, как можно самостоятельно управлять этим креслом. Когда вы все усвоите, вы сами удивитесь, насколько подвижнее и ловчее станете. А пока, раз уж вы так красиво одеты, предлагаю вам покататься по городу и

посетить магазины. А потом мы пообедаем в ресторации.

— А разве нам не нужно было к королю? — пролепетала я, сбитая с толку сменой настроения мужа. — Во дворец?

— Это подождет, — как-то легкомысленно, на мой взгляд, отмахнулся он. — Поедем туда в другой раз!

— Ну ладно, — растерялась я, не готовая к таким резким переменам.

Настоящее потрясение я пережила, когда герцог сам, без Грега, повез меня к карете и сам же посадил в нее, не позвав никого на помощь. Удивительное самопожертвование! Неужели что-то поменялось в его отношении ко мне? Или это только временное помутнение/просветление (выбрать то, что кому больше нравится)?

Герцог, помогавший мне, когда я поднималась в карету, не отнял руку и после того, как мы уселись напротив друг друга. От жара его пальцев у меня покалывало ладонь даже через перчатку. Я не могла заставить себя поднять взгляд на его лицо, но кожей чувствовала, что мужчина без всякого стеснения меня разглядывает. Наконец он разорвал тишину и спросил:

— Как часто к вам приходят родственники, Эвелина?

— Не часто, — ответила я расплывчато.

Наверняка ему каждый раз докладывают, что приходили меня проведать, и кто именно приходил.

— Может быть, вы сами хотите к ним съездить? — прозвучал следующий вопрос.

— А можно?! — встрепенулась я.

— Конечно! — обрадовал муж. — Съездим вместе. Ведь мы еще не наносили визит вежливости после свадьбы.

«Которой у нас и не было», — подумала я, но озвучивать мысль не стала. А впрочем, тот обед после приема во дворце вполне мог оказаться свадебным обедом... Правда, моих родственников там не было!

— Когда мне быть готовой к поездке? — на всякий случай заранее поинтересовалась я.

Не хватало еще, чтобы наш визит к ним закончился так же, как сегодняшняя поездка во дворец, даже не начавшись!

— Я вам сообщу, — ровно ответил герцог, а я, опять на всякий случай, уточнила:

— Заранее?

— Естественно!

Ох, лишь бы это «заранее» не исчислялось снова в двадцати минутах!

Я с недоверием посмотрела на Его Светлость, а он, заметив мой взгляд, улыбнулся и пожал мне руку. И тут...

...Он держал меня за руку, наглаживая большим пальцем мое запястье и пуская по руке щекочущие мурашки, а я понимала, что это ненормально!

— А как же Лика? — не поднимая головы, спросила я.

— А что Лика? — был равнодушный ответ.

— Ну... вы же вместе?

— Это не по-настоящему, Вер, — зацепив за подбородок, приподнял мое лицо Сергей и приблизился сам, задевая теплым дыханием мои губы. — Неужели ты еще не поняла, что я с ней лишь для того, чтобы быть к тебе поближе?

Я опустила глаза и хотела шагнуть назад, но он не дал отстраниться, впившись мне в губы жарким поцелуем, от которого перехватило дыхание.

— Есть только ты для меня, Вера, веришь? — прошептал он, разорвав поцелуй на

последних каплях кислорода в легких. — Я сразу понял, что пропал, как только увидел тебя в первый раз!

В голове роились тысячи вопросов о том, почему же он шел ко мне таким длинным и обходным путем, но задать их не получилось, потому что парень вновь завладел моими губами, а я...

...я внезапно очнулась в карете с раскалывающейся головой и оглушительно бьющимся сердцем, и с герцогом напротив, сверлящим меня нечитаемым взглядом своих жгучих глаз.

Я невольно потерла виски, только тут заметив, что руку мою наконец-то отпустили.

— Снова головные боли? — участливо спросил Его Светлость.

— Д-да, — проговорила я хриплым голосом.

— Как часто это с вами происходит?

— В последний раз было на балу, — призналась я.

Мне было неловко из-за своих «выпадений» из реальности непосредственно при герцоге. Ведь я не представляла, что именно со мной происходило в эти моменты! Про то, что это моя предыдущая жизнь напоминает о себе таким образом, я уже давно поняла.

От сегодняшних воспоминаний в сердце зарождалась непонятная тревога. Почему я позволяла себя целовать Сергею? Ведь я же знала, что Лика в него влюблена! Правда, сама я много раз становилась свидетельницей того, как Сергей пренебрежительно к ней относится, и из-за этого всегда сердилась на парня! Это что же получается, он любил меня?

Но думать об этом было не время и не место. Потому что герцог продолжал вглядываться в мое лицо, а потом решительно произнес:

— Как только вернемся домой, я вызову целителя. Надеюсь, он сможет разобраться с вашей болезнью и поможет преодолеть эти приступы!

Возможно, если бы это была просто головная боль, я бы обрадовалась приходу целителя. Но как быть с воспоминаниями? Как мне рассказать постороннему человеку о том, что эти боли бывают при редких возвращениях памяти, притом памяти не Эвелины, а Веры? А если не признаюсь, то я не уверена, что мне смогут помочь! Что же делать?!

Но герцогу, конечно, знать об этом было абсолютно незачем, поэтому я лишь кивнула и тихо поблагодарила:

— Буду признательна, Ваша Светлость!

Через минуту карета остановилась у невысокого, но очень вычурно украшенного здания. «У Николетты» гласила яркая вывеска на фасаде, украшенная затейливыми фасонами платьев и туфель.

— Вы хорошо себя чувствуете? — заботливо спросил Ксфорд, прежде чем открыть дверцу кареты. — Если вам сейчас не удобно, мы можем поехать в магазины в другой раз.

— Нет-нет! — поспешила я его успокоить. — Со мной всё хорошо! Боль прошла!

Не то, чтобы мне не терпелось обновить себе гардероб, просто не хотелось к своим болячкам прибавлять еще и эту. Так и слышалось, как меня обсуждают охочие до сплетен аристократки: «Мало того, что калека, так еще и на голову больная!» Ну уж нет! Я постараюсь не давать им лишних поводов для этого!

— Как скажете, Эвелина! — пришлось согласиться мужу. — Но, если почувствуете, что боль возвращается, непременно скажите мне!

— Надеюсь, этого не случится, — пробормотала я.

Ведь на самом деле не бывало такого, чтобы воспоминания накатывали раз за разом! С последнего приступа вон больше недели прошло!

В этот раз герцог не стал отцеплять коляску от кареты, а аккуратно подхватил меня на руки и внес в магазин одежды. Думаю, для хозяйки магазина наше явление было почти как явление Христа народу, потому что она, раскрыв рот, смотрела на то, как меня Густав Ксфорд заносит на руках и бережно усаживает на диванчик у окна. Неужели не слышала, что Его Светлость женился на калеке?

Я хотела было смутиться, но потом для себя решила, что буду себя так, словно это для меня привычное дело. А если кому-то не нравится или ломает его стереотипы, то эта проблема не моя, а этих недовольных. Поэтому лишь расправила подол платья и тихо поблагодарила мужа.

Тут ожила и хозяйка бутика.

— Ох, Ваша Светлость! Я так счастлива, что вы посетили мою скромную лавку! — залебезила она перед мужчиной. — Хотите взглянуть на новую коллекцию одежды?

— Добрый день, госпожа Николетта! — вежливо поздоровался герцог. — Моя супруга, леди Эвелина, хотела бы обновить свой гардероб. Что вы можете ей предложить?

Молодая женщина с экстравагантной прической на медно-рыжих волосах с интересом вперила в меня оценивающий взгляд ярко-зеленых глаз и, удовлетворенно кивнув, произнесла:

— Ах, как вы вовремя ко мне обратились! Буквально вчера с ателье завезли великолепные платья как раз на вашу фигуру, леди Ксфорд! Пройдемте в примерочную? А Залия вам принесет на выбор все платья вашего размера!

С этими словами госпожа Николетта щелчком пальцев подозвала девушку-помощницу и шепнула ей несколько слов, после чего та вихрем понеслась набирать различные фасоны одежды.

Я потерянно оглянулась на герцога. Была бы коляска, до примерочной дойти было бы проще, но сейчас надежда осталась лишь на этого мужчину.

Но просить ничего не пришлось. Он привычно подхватил меня на руки и последовал за хозяйкой в укромную комнату с зеркалами. Леди Николетта лишь понимающе улыбнулась, сморщив аккуратный носик в веснушках, и рукой указала, куда меня можно посадить. Сгрузив меня на мягкую софу напротив большого напольного зеркала, герцог остался стоять рядом, кажется, совсем не собираясь уходить.

— Ваша Светлость, вы намерены присутствовать при примерке? — задала вопрос женщина, поневоле выразив в нем мое беспокойство.

— Да, госпожа Николетта, — уверенно ответил герцог. — Думаю, моей супруге будет сложно самостоятельно справиться с крючками и застежками на платьях.

— Но... у нас есть помощницы... — начала было госпожа Николетта, но Его Светлость лишь предостерегающе поднял руку.

— Возможно, вы не в курсе, но моя супруга несколько стеснена в движениях, вашим помощницам с непривычки будет трудно, — так же ровно пояснил он, лишив меня последних надежд.

Это что же, мне придется при нем раздеваться до нижнего белья?!

Стало вдруг жарко от прилившего к щекам и шее румянца. Я, конечно, девушка современная, и в своем мире я бывала и на пляжах, где купальники намного откровеннее здешних шортиков и бюстье, но пребывание в теле Эвелин несколько изменило меня и мои нравственные ценности! Здесь было неприлично не только оголяться перед другими, но даже щиколотку показать чужому мужчине — это уже верх бесстыдства! Правда, вечерние платья, выставяющие женские прелести напоказ, к этой категории не относились...

Госпожа Николетта, кажется, хотела еще что-то возразить, но, увидев решительное выражение лица герцога, лишь кивнула и отправилась инструктировать своих помощниц.

Воспользовавшись тем, что Густав отвлекся на рассматривание диковинных миниатюр на стене, я изучала его самого в отражении в зеркале.

Красив, зараза! Широкие плечи, стянутые дорогой тканью сюртука, могучая фигура и угольно черные волосы, такие же густые черные брови, чуть крупный нос с небольшой горбинкой и упрямые твердые губы... Вспомнился слоган популярного ресторана быстрого питания: «Всё, как я люблю!» Или там было немного иначе?

Сглотнув вязкую слюну, тоже попробовала уговорить мужчину оставить меня на попечение девушек:

— Ваша Светлость, мне кажется, мы справимся без вашей помощи. Вы могли бы подождать меня в другой комнате. Или даже отправиться на время по своим делам, а потом вновь заехать за мной...

Герцог с любопытством взглянул на меня через зеркало.

— Почему вы хотите меня отсюда выпроводить, Эвелина?

— Ну... — я замаялась, а потом твердо глянула в его глаза и ответила. — Это неприлично!

— Что именно?

— Я не буду при вас раздеваться! — заявила я, опустив глаза.

— Почему? — опять спросил он, вводя меня в еще больший конфуз.

— Вы мужчина! — возмутилась я.

— И что? — герцог, похоже, решил меня или довести до белого каления, или добить до конца своей упертостью!

— Как что?! — от злости и обиды глаза наполнились слезами. — Вы чужой человек для меня!

— Я ваш муж, Эвелина! — сказал, как отрезал он. — Насколько мне известно, супруги друг для друга не могут быть чужими людьми!

Интересно, он так шутит или издевается надо мной?

— Мы не настоящие супруги! — упрямо буркнула я, комкая в руках подол платья.

— Если вы сейчас о консумации брака, то это дело времени, — ошарашил меня «супруг». — Думаю, нам не с руки ставить в известность посторонних людей относительно наших отношений? — как ни в чем не бывало заявил он. — Или вы хотите, чтобы весь город обсуждал нашу семью?

Вот гад! Вывернул всё так, словно я — склочная истеричка, собирающаяся вынести мусор из избы! Я лишь успела возмущенно выдохнуть, чтобы продолжить отстаивать свои права, как в комнату, предварительно стукнув пару раз о косяк, одна за другой начали заходить молодые девушки с разнообразными платьями совершенно разных фасонов.

Глаза мои разбежались от всей этой роскоши, а слова, которые я заготовила для одного наглого мужчины, улетучились сами собой. Хочу! Вот это, синее с кружевами на подоле и рукавах! А еще вот это, молочно-кремовое, с воздушным гипюром! И вот это, темно-вишневое, с золотой вышивкой... И вон то, а еще...

Стоп! Зачем мне столько? И кто их увидит на мне, если вся моя судьба — это жить отшельницей, прикованной к кровати и к инвалидному креслу?

Выбрав парочку особо приглянувшихся платьев, хотела схитрить и приобрести их не меряя, но госпожа Николетта настояла на примерке.

— Не хочу на вас давить, уважаемая леди, но для моего магазина — это большая честь, обслуживать столь высокородную даму. Пожалуйста, не откажите в милости, примерьте их! В случае необходимости мои девочки совершенно бесплатно подгонят их под вашу фигуру.

— Но какая вам от этого выгода? — удивилась я.

— Я хотела бы быть уверенной, что платья вам абсолютно впору! Ведь когда вас в них увидят на приеме, все захотят приобрести у меня хоть что-нибудь!

Я хотела сказать, что не настолько уж я популярна среди аристократок, чтобы быть иконой стиля, но, увидев такое просящее выражение лица женщины, вынуждена была согласиться.

Сразу подлетели девушки-помощницы и в четыре руки принялись споро меня раздевать. Не успела я смутиться, как уже сидела перед зеркалом в одной тонкой сорочке до колен, на время совсем позабыв о присутствии в комнате своего мужа. Просто девушки так щебетали, нахваливая мою белую ровную кожу и идеально пропорциональные, на их взгляд, руки, ноги и фигуру в целом, что короткий сдавленный кашель за спиной заставил подскочить от неожиданности и прикрыться руками.

— Ваша Светлость! — воскликнула хозяйка магазина, схватившись за сердце, — вы так нас напугали!

Я не стала оборачиваться: чтобы увидеть мужчину с горящим взглядом, достаточно было поднять взгляд на зеркало. Заметив, с каким смущением я прикрываю грудь и ноги руками, Густав Ксфорд стусевался и, буркнув что-то типа: «Вижу, вы и сами справляетесь!» — быстро ретировался из примерочной.

Я облегченно выдохнула, а девушки тихонько хихикнули, прикрывшись ладошкой.

— Вижу, вы всё еще стесняетесь своего супруга? — с улыбкой спросила госпожа Николетта, сделав хитрое выражение лица.

— Д-да, есть немного, — пролепетала я, опуская взгляд на свои неподвижные ноги.

К счастью, помощницы ее оказались действительно очень расторопными и умелыми девушками. Не хуже моих личных сиделок справились с моим переодеванием и подгонкой платьев, при этом умудрившись ни разу не ткнуть в меня иголкой и не растрепать тщательно уложенные Розы волосы.

Словом, расстались мы чрезвычайно довольные друг другом. Госпожа Николетта вручила мне свою визитку с пожеланиями скорейшего выздоровления и обещаниями постоянной скидки на любую обновку. Я же искренне поблагодарила ее и обещала обязательно посетить ее магазин в ближайшее время.

Когда с примерками было покончено, одна из девушек отправилась за герцогом, остальные две ушли на кассу, а хозяйка магазина, воспользовавшись случаем, подошла ко мне и, взяв меня за руку, таинственно произнесла:

— Леди Эвелина, я знала вашу мать, леди Офелию, и наслышана о вас. Примите мои искренние соболезнования по поводу вашей утраты! Честно говоря, я удивилась, узнав, что вы вышли замуж за Его Светлость герцога Ксфорда. Но я думаю, что благодаря вам он, несомненно, изменится!

— О чем вы говорите, госпожа Николетта? — спросила я, растерявшись.

— Мне жаль, что его супругой стали вы... — начала она, но в этот момент в примерочную зашел герцог, и хозяйка магазина вынуждена была замолчать.

Мужчина подхватил меня на руки и понес прямоком к выходу.

— А заплатить? — рассеянно поинтересовалась я.

— Уже, — ответил он.

— А платя? —

— Их завезут к нам домой.

Задумчиво кивнув, я устроилась поудобнее в руках мужчины. Из головы не шла фраза госпожи Николетты. Почему она меня пожалела? И как должен измениться мой муж благодаря мне? Разве герцог — какой-то монстр или дурной человек?

— О боже, это ты, Эви?! — раздалось вдруг из глубины магазина, и ко мне поспешно вышла молодая девушка — шатенка с карими глазами, точеной фигурой и обворожительной улыбкой, приклеенной на устах.

Я растерянно оглянулась на герцога, и тот, мгновенно сообразив, что я не помню эту девушку, пришел мне на помощь.

— Как поживаете, леди Кириак? — склонил он голову в приветствии.

— Теона, Ваша Светлость! Зовите меня по имени! — сразу преобразилась девушка, а я своевременно вспомнила, что так звали единственную на данный момент подругу Эвелины.

— Рада тебя видеть, Теона! — пришлось включиться в разговор.

— А я смотрю и глазам своим не верю! — щебетала между тем девушка. — Думаю, ты или не ты? Ведь до этого тебя невозможно было встретить вне дома!

— Как видишь, теперь мне приходится выбираться на люди, — прозвучало как оправдание.

— Да, я слышала про вас и очень рада за тебя, Эви, — ненатурально улыбнулась Теона. — На той неделе заходила к вам домой, а Элеонора сказала, что ты теперь замужем! Поздравляю!

— Спасибо, — ответила я, начиная тяготиться от того, что герцог держит меня на руках.

Появилось чувство стеснения. Лучше бы он не поленился и забрал из кареты мою коляску! Слишком приметен для всех такой способ передвижения! Не преминула на эту тему сосричь и моя подруга:

— А вы, Ваша Светлость, прямо буквально выполняете свое обещание носить жену на руках, не правда ли? Не тяжело?

— Своя ноша не тянет! — ответил герцог несколько грубее, чем хотелось бы, но девушка, казалось, этого не заметила или не захотела на этом заикливаться.

— Ой, а я ведь о стольком поговорить с тобой хотела, Эви! — всплеснула она руками. — Жаль, теперь наши встречи станут редки!

— Отчего же? — заметил герцог. — Приходите к своей подруге в любое время. Двери нашего дома всегда открыты для друзей!

— Правда? Я обязательно воспользуюсь вашим приглашением, Ваша Светлость! — сверкнула глазами подруга. — До скорой встречи!

Наскоро попрощавшись, мы сели в карету.

Заметив мою рассеянность, Густав вновь взял меня за руку и ободряюще сжал.

— С вами все в порядке? Голова не болит? Хотите еще в какой-нибудь магазин? — спросил мужчина.

— Нет, на сегодня, пожалуй, достаточно! — поспешно ответила я. — Я бы хотела вернуться домой. Слишком много для меня впечатлений...

— Вам не понравились платья?

— Что вы, они прелестны! Просто... я не привыкла в последние годы к такому вниманию. Мое окружение состояло всего-то из нескольких человек, близких мне по крови и по духу. Они заботились обо мне и ухаживали за мной, потому что считали своей семьей.

Сама не понимала, что заставило меня откровенничать с Его Светлостью. Его внимательный, полный сочувствия взгляд или то, как нежно он держал в ладони мои пальцы, легонько перебирая их? И, если честно, мне не хотелось думать о Ксорде плохо, несмотря на слова госпожи Николетты. Может быть, я на самом деле смогу как-то повлиять на него, и то, что было до меня плохого, само исчезнет? Легкомысленно, конечно, и так по-детски — верить в свою неотразимость, но чем черт не шутит?

— Вы давно дружите с леди Кириак? — спросил вдруг мужчина.

— Давно, — машинально ответила я, а потом почему-то добавила. — Наверное, давно. Вы же помните про мою амнезию?

— Помню, — коротко ответил он.

Оставшийся путь до дома мы молчали. Не хотелось портить момент какого-то духовного сближения между мной и герцогом. Может быть, я снова ошибаюсь в нем, и передо мной сидит обычный ловелас, решивший поиграть в серьезного женатого мужчину, но думать об этом всерьез пока не хотелось. Подумаю об этом позже. Перед сном. Или лучше утром. А впрочем, лучше никогда!

Целитель пришел утром следующего дня.

— Когда у вас начались эти боли, леди Эвелина? — нахмутив брови, спросил он меня, когда провел традиционный осмотр, пощупав пульс, послушав дыхание и тщательно проверив реакцию моих глаз на движение его руки. — Это связано с какими-либо неприятными воспоминаниями?

Чуть вздрогнув, взглянула на невысокого щуплого старика с внимательным взглядом. Неужели после этих нехитрых манипуляций можно выяснить, что боли мучают меня при возвращении памяти Веры? Или целитель, зная историю моей семьи, просто случайно угадал? Как бы то ни было, я решила не сильно кривить душой. И пусть кое-что умолчу, но в целом признаюсь.

— Вы правы, господин целитель, — сказала я. — Это происходит, как правило, в момент, когда ко мне частично возвращаются воспоминания. А началось, соответственно, после того как я случайно упала, ударилась головой и потеряла память.

— И произошло это...

— Около трех недель назад.

— Естественно, вы не помните, что вас заставило подняться с кровати, несмотря на невозможность передвигаться самостоятельно?

Я покаянно пожала плечами. Возможно, сама Эви и могла бы объяснить этот действительно нелогичный поступок, но для меня это решение было так же непонятно и странно, как и для целителя.

— Думаете, ей кто-то помог в этом? — задумчиво спросил герцог, во все время нашей беседы стоявший у окна, прислонившись спиной к подоконнику, и покусывавший костяшки пальцев.

— Я не могу этого утверждать, Ваша Светлость, — меланхолично отозвался целитель, — но всё это весьма подозрительно, учитывая то, что девушка была обеспечена всем необходимым, лежа в своей кровати, ведь, насколько мне известно, ваши приспособления для ограниченных в движении людей безусловно комфортны! Да и зная сиделку вашей супруги, госпожу Элеонору, я могу с вероятностью в 99 процентов сказать, что она относилась к своим обязанностям очень ответственно! Поэтому вряд ли оставляла ее надолго одну...

Я лишь переводила взгляд с одного мужчины на другого, не совсем вникая в суть их разговора. О какой помощи они говорят? И почему госпожу Элеонору называют сиделкой, если она — почти родственница и самая заботливая женщина, которая относится к нам с Софи как к своим детям?

— Думаю, нам не стоит обсуждать это здесь, — вдруг решил свернуть тему Ксфорд. — Так что вы можете сказать о ее головных болях и резких выпадениях из реальности, господин Рубен?

Старик немного пожевал губами и, еще раз проведя руками над моей головой, вынес вердикт:

— Думаю, что ей необходимо вспомнить что-то важное, после чего боли пройдут окончательно. Это своеобразная реакция организма на неприятные воспоминания.

— А ноги? Это необратимо?

— А вот это тоже очень интересная тема для обсуждения! — загорелись глаза у целителя. — Уважаемая леди, вам вызывали после аварии мага, чтобы он оценил возможность вашего исцеления? — обратился он ко мне.

Я обрадовалась, что в свое время догадалась спросить об этом у кузена и уверенно произнесла:

— Нет. Насколько я знаю, не вызывали.

— А может, вы просто забыли об этом? — несколько скептически спросил герцог.

Конечно, он абсолютно в своем праве сомневаться, зная о моих проблемах с памятью, но я-то имею информацию из первых уст!

— Я — да, Ваша Светлость, не помню об этом. Но буквально на днях мне об этом рассказал Андреас... В те дни в семье было очень много горя, все были заняты похоронами родителей, а я всё же осталась жива...

— Не совсем понятное оправдание, не находите? — ворчливо вклинился господин Рубен. — Разве не нужно в первую очередь заботиться о живых? Ведь мертвых уже не вернуть!

— Я тоже так думаю, — согласился Густав, сдвинув брови. — Но прошло уже два года, поэтому нет смысла об этом сожалеть. Может быть, еще не поздно заняться ногами моей супруги?

— Андреас говорил, что поздно... — начала было я, но герцог недовольно перебил меня:

— Ваш Андреас — маг?

— Н-нет... — прошептала я, не зная, обижаться ли на такое пренебрежение к мнению моего кузена или нет.

— В таком случае, давайте послушаем мага, — более мягко предложил мужчина, увидев, что мои губы начинают подрагивать. — Господин Рубен не простой целитель.

— Ну что вы, Ваша Светлость! — несколько смутился старичок, но было видно, что ему приятно от того, как о нем отзываются. — Моей магии — сущие крохи, по сравнению с вашей!

— Но зато вы обладаете знаниями целителя! — уверенно сказал мой супруг и добавил. — Будьте добры, просканируйте ноги Эвелины! И если есть хоть малейшая надежда...

— Дело в том, что я все же чувствую магическое вмешательство в процесс исцеления леди Эвелины! — чуть приосанившись, заявил господин Рубен. — Поэтому и хотел узнать, кто именно с ней поработал.

— Но... — растерялась я, — кузен говорил, что было уже поздно что-либо исправлять, когда опомнились и отошли после смерти моих родителей!

— Может быть, об этом им сказал кто-то из магов, которого они к вам вызвали? — поинтересовался целитель.

— Увы, я ничего об этом не знаю, — пришлось мне сдаваться.

— Ну что ж, мы постараемся все это выяснить, — решительно сообщил герцог. — А пока, господин Рубен, что вы скажете о возможности исцеления леди Эвелины?

— Думаю, не ошибусь, если скажу, что со временем ваша супруга сможет самостоятельно передвигаться. Но... прежде чем начать лечение, необходимо убрать своеобразный заслон, которым когда-то запечатали ей магические потоки, проходящие к ногам!

Услышав про возможность в будущем ходить, я чуть не расплакалась от радости! И не совсем поняла, кто и что мне запечатал, и тем более, для чего?

— Вы уверены? — тревожно спросил Густав у целителя.

— Абсолютно, Ваша Светлость! — кивнул тот для пущей важности. — Необходимо изучить сеть плетения, чтобы избавить от нее вашу супругу, а там уже можно заняться и лечением!

В моей груди разливалось невероятное ощущение счастья от одной только надежды на выздоровление! Дальнейший разговор герцога с целителем прошел как-то мимо меня. Обрывками долетали слова об опасности возвращения боли вместе с открывшимися потоками в ногах, о том, что кому-то очень не хотелось, чтобы я вставала на ноги... Но всё это было неважно! Ведь когда-то, пусть и не в ближайшем будущем, но я сама смогу сделать шаги по земле! Это была просто невероятно чудесная новость!

Очнулась я от своих радужных фантазий только тогда, когда герцог дотронулся до моей руки и сказал:

— Я пришлю к вам Грега, Эвелина! Разузнайте у него всё про возможности вашего кресла.

Я с удивлением подняла на него взгляд и увидела, что целитель уже ушел, а Густав смотрит на меня с легкой понимающей улыбкой и, похоже, рад не меньше меня!

— А... да, спасибо! — только и смогла я произнести, а когда герцог вышел, не сдержала радостного визга и похлопала в ладоши.

Неужели жизнь начинает налаживаться?

Не прошло и минуты, как в дверь постучали, а следом показалась вихрастая голова Грега.

— Можно? — с улыбкой спросил он.

— Нужно! — ответила я, не скрывая своего хорошего настроения.

— Случилось что-то хорошее? — невинно поинтересовался парень.

— Очень! — радостно ответила я. — Меня возможно вылечить!

— Правда? — обрадовался и Грег. — Это же великолепно! Поздравляю, леди Эвелина!

— Спасибо, Грег! Но пока этого не произошло, я хотела бы научиться управляться с этой конструкцией, — ткнула я пальцем в кресло. — Его Светлость сказал, что вы меня можете научить им пользоваться.

— С удовольствием, леди! Уверен, вы быстро его освоите!

Через полчаса я разъезжала по своей просторной комнате, как заправский водитель на мерседесе! Или на лимузине... Потому что, каким бы простым не оказалось управление коляски, повороты я делала несколько неуклюже, словно была не в маленькой коляске, а в длинном лимузине на узкой улочке!

Как и предполагалось, управлять транспортным средством можно было, надавливая на определенные рычаги и нажимая на кнопки. Здесь были и функции заднего хода, и изменение высоты коляски для удобства пересаживания, и тормоз, фиксирующий ее в определенном положении... Словом, мечта любого инвалида!

И всё же я с нетерпением ждала того момента, когда меня начнут лечить, пусть даже вместе с чувствительностью к ногам вернется и боль! Мне казалось, что любое продвижение в сторону выздоровления сделает меня счастливой! Тем более Грег тоже меня поддерживал в этом стремлении побыстрее встать на ноги!

— Если вы не боитесь, леди Эвелина, я мог бы помочь вам разрабатывать ноги, чтобы они были готовы к тому моменту, когда вы сможете самостоятельно передвигаться, благодаря магическому лечению.

— А как? — смутилась я.

Не будет же он делать мне массаж ног? Это же по крайней мере неприлично!

Но Грег меня успокоил:

— У меня ведь тоже есть толика магии, вы, наверное, догадались уже. Я мог бы воздействовать на ваше сознание, чтобы оно посылало импульсы к ногам... Правда, для этого нужно будет снимать на время эти артефакты, — кивком указал он на ожерелье с серьгами.

— А это не опасно? — заволновалась я.

Все же за эти дни я словно срослась с этими украшениями и чувствовала себя на самом деле под защитой!

— Если хотите, я могу спросить об этом у герцога, — ответил он.

Но тут мне в голову пришла мысль, что было бы здорово преподнести мужу сюрприз в виде уже разработанных мышц. Не знаю, почему, но мне хотелось выглядеть в глазах Его Высочества... лучше, что ли? Хоть чуть-чуть здоровее... По крайней мере, не такой беспомощной калекой, какой я себя ощущала рядом с ним, когда он был вынужден носить меня на руках...

Возможно, это было глупым решением, но я решительно отвергла желание Грега получить разрешение у герцога.

— Попробуем без него, — заискивающе заглянула я в глаза юноши. — Не говорите ему ничего, прошу вас! Я хочу... сделать приятный сюрприз!

— Ну ладно тогда, — не совсем уверенно протянул Грег. — Когда начнем?

— А давайте прямо сейчас? — предложила я, пока решимость меня не покинула, и начала снимать ожерелье и серьги.

Это оказалось неприятно. Показалось, словно в голове завелись тараканы, которые хозяйничали там без моего ведома и делали всё, что хотели!

Но я не захотела останавливать Грега, который двумя руками сжал мои виски и, плотно

прикрыв веки, начал произносить заковыристые слова на непонятном мне языке. «Гооме улоами виинищ», — шептал он, а у меня перед глазами начали кружиться темные мушки, а вскоре виски прострелила такая знакомая, но такая нежеланная боль, вырывая меня из тела Эвелины и возвращая в свое, родное!

— Радость моя! Красавица! Сладкая! Когда же ты мне позволишь собой насладиться в полной мере? — шептал Сергей в перерывах между жаркими поцелуями, а руки его блуждали по всему телу, собирая одежду в складки и доводя меня до томного иступления. — Ты же тоже меня хочешь, Вер, я же знаю это!

— Н-нет, Сережа, нет! — отвечала я, судорожно переводя дыхание. — Ты же обманываешь меня! Лика говорила, что у вас скоро свадьба! Это же правда? Ты женишься на ней?

— Это ничего не значит, Вера! — шепот опалил шею, куда спустился с поцелуями парень, — это же просто формальность! Я тебя люблю, солнышко, только тебя!

В голове все путается, сердце трепыхается в груди, а внизу живота так горячо и томительно! Может, плюнуть на всё и броситься в омут этой страсти? Какая разница, на ком женится Сережа, если он **меня** любит?

И тут я внезапно осознаю, что мы больше не одни в комнате! Потому что сперва раздаётся громкое «Ах!», а потом несколько девичьих голосов начинают на меня то ли кричать, то ли истерично смеяться... А может, это смеются не надо мной? И чье это рыдание? Понимаю, что парень скатывается с меня и начинает оправдываться:

— Это не то, что ты думаешь, Лика! Она сама меня соблазнила, все время крутила передо мной своей задницей! Напрашивалась! Я же тоже не железный!

— Выметайся! — шипит подруга срывающимся голосом, и я смотрю, как Сережа поднимает свою рубашку с пола и поспешно уходит из комнаты, застегивая на ходу брюки.

А у двери собралась небольшая толпа девчонок, тихонько переговаривающихся друг с другом и перемывающих нам косточки.

Лика рывком закрывает дверь и оборачивается ко мне. Я уже сижу на кровати, пытаюсь прикрыть непонятно когда оголенную парнем грудь сбившейся наверх туникой и прийти в себя от этого страшного момента стыда, неловкости и сожаления.

— Лик... — начинаю я и не знаю, что сказать, как оправдаться.

А Лика молчит, лишь слышны тихие всхлипы.

— Прости... — шепчу я, опустив глаза.

Стыдно и страшно поднять голову и увидеть на лице подруги отвращение и ненависть. А других эмоций ожидать от Лики не стоило. Не после того, что я натворила! Обидела. Унизил. Предала...

— Прости?! Прости — и всё?! — голос у Лики срывается на хриплый шепот. — А ты бы простила, Вер?!

Казалось, побледнеть сильнее уже невозможно, но я ощутила, как последние капли крови отливают у меня с лица. Морозными когтями продирает шею и виски, по спине проходит волна дрожи. Нет, я бы не простила. Не смогла бы! Да и Лика не должна. Такое не прощают!

— Уходи! — кивает подруга и отворачивается к окну.

Так и не подняв голову, я шаркающими шагами двигаюсь к двери. Медленно. Потому что понимаю, что у Лики еще остались невысказанные слова. Такие же обидные и страшные, каким был мой поступок. И они действительно звучат:

— Я отомщу! Видит бог, я тебе отомщу, Вера!

— Имеешь право, — шепчу я и шагаю за порог.

Закрыв дверь, прислоняюсь к ней спиной и медленно сползаю на пол. Плевать, что увидят любопытные студенты, шастающие по коридору и с большим предвкушением ожидающие скандала между двумя близкими подругами, которые не поделили одного смазливового парня! Плевать, что, вздумай Лика выйти из комнаты, мне прилетит в голову дверь! Плевать! Что такое боль физическая по сравнению с болью душевной? Пустяк! В груди у меня скрутилась такая острая боль от осознания своей подлости и вероломности, что я бы, казалось, даже не обратила внимания, проломи мне кто-нибудь череп или сломай руку...

Но сидеть под дверью бывшей подруги смысла нет. Поэтому я с трудом поднимаюсь на слабые ноги и шаркаю по коридору в сторону выхода из общежития. Куда мне идти? Некуда. Но оставаться рядом с Ликой тоже невозможно. Поэтому я и иду, не поднимая головы, по улице, не обращая внимания ни на то, что временами меня толкают, ни на едкие замечания прохожих, спешащих по своим срочным делам, «когда кому-то делать нечего». Так, в толпе людей, меня и выносит к проезжей части. А через секунду я слышу:

— Девушка, осторожно!

И сразу вслед за этим визжат тормоза и неистово гудят клаксоны, а в следующее мгновение я чувствую острую боль во всем теле и проваливаюсь в вязкую темноту, с облегчением успев подумать: «Вот и всё!»

И тут же меня вырывают из этой темноты осторожно массирующие и поглаживающие мои виски теплые руки Грега, который продолжает читать своим монотонным голосом абракадабру на непонятном языке: «Гооме улоами вииищ»...

— Грег... — произношу я охрипшим голосом, открывая глаза.

— Пришли в себя? — заботливо спрашивает парень, с тревогой заглядывая в мои глаза.

— Что... что это было? — сиплю я, дотрагиваясь до лба, покрытого бисеринками пота.

Никогда еще воспоминания не длились так долго и не заставляли чувствовать себя так паршиво! Неужели все это было со мной... в той жизни? Именно так я попала под машину и... умерла?

«Исправь свои ошибки!» — звучит в голове голос, назвавшийся судьбой. Я поняла, в чем я ошиблась. Кажется. Я ошиблась в оценке людей! Я поверила тому, кому верить было категорически нельзя! И обидела... смертельно обидела самую близкую подругу! Единственного человека, который меня поддерживал после смерти родителей. Единственную девушку, которая не скрывала от меня своего счастья из-за чувств к своему парню, которые я растоптала! По глупости или по наивности? Хотя, иногда это одно и то же...

Но как же я могу исправить эту ошибку? Я не смогу вернуться в свой мир и в свое тело. Да если бы и вернулась, разве можно повернуть время вспять? Разве можно закрыть рты всем очевидцам моей подлости и Ликиного позора? Разве можно стереть память самой подруге, чтобы она не мучилась от измены лучшей подруги и любимого?

Что я могу сделать?!

Грег смотрит на меня с сочувствием и жалостью. Неужели он считал мои воспоминания и теперь в душе презирает меня за тот поступок, что я совершила? Нет-нет, такого не может быть! Ведь на мне блокирующие артефакты! Он сам говорил, что это ожерелье и эти серьги защищают и от проникновения в мои мысли!

И тут взгляд падает на украшения, небольшой сверкающей кучкой лежащие на прикроватном столике. Ах да, я же их уже сняла...

— Грег... — снова пытаюсь сформулировать вопрос, чтобы знать наверняка, насколько маг информирован теперь о моем прошлом. — Вам удалось... удалось достучаться до моих ног? Или... Вы... что-то прочитали... увидели... в моей голове?

Юноша грустно трясет рыжей головой, отчего волосы его разлетаются в разные стороны и замирают в беспорядке, а несколько прядок падает на глаза. Он проводит пятерней по волосам, отбрасывая их назад, и признается:

— Леди Эвелина... Понимаете, это впервые на моей практике. Вы словно покинули свой рассудок на некоторое время и только сейчас вернулись. Я будто смотрел в темный колодец, ничего не мог увидеть и разобрать! И лишь последнюю минуту я вижу, что вам отчего-то очень тревожно и стыдно... У вас уже было такое?

Я печально кивнула и двинула коляску к своей кровати. От долгой тренировки и пережитого ужаса от воспоминаний руки тряслись и плохо слушались. Да и не было пока у меня опыта пересаживания с кресла на кровать самостоятельно... Увидев, что мне никак не справиться, молодой человек аккуратно приподнял меня и пересадил с коляски на постель, осторожно выпрямив мои ноги и прикрыв их пледом. Я с облегчением откинулась на подушки и прикрыла глаза.

Грег, видимо, понял, что мне пока не хочется говорить о своем состоянии, поэтому просто пообещал вернуться утром, чтобы продолжить тренировки, и тихо ушел. Удивительно

тактичный молодой человек! Или он просто выполняет поручение Его Светлости?

Как бы то ни было, я была ему благодарна за то, что он не стал копаться в моих переживаниях. Самой бы еще с ними сперва разобраться!

Я не сомневалась, что воспоминания из прошлой жизни абсолютно реальные и правдивые. Потому что эпизод с аварией уже приходил мне на память ранее, а сейчас стало понятно, из-за чего я в нее попала... Странно было то, что несмотря на уверенность в своей причастности ко всем этим мерзостям, я не могла принять себя ту, прежнюю!

Да, мне было стыдно за свои поступки. Да, я понимала, что та, другая я, действительно была. Но... Это была другая жизнь и другая реальность. Которой сейчас нет. И я, как бы странно это ни звучало, воспринимала себя уже больше Эвелиной, чем Верой... И, если бы у меня спросили, хочу ли я вернуться в прежнюю жизнь, стать здоровой, передвигаться на своих двоих, но быть... Верой, а не Эвелиной, я бы, наверное, ответила отказом.

Особенно теперь, когда появилась реальная надежда вернуть подвижность ногам с помощью магии! И как бы мне ни было больно и трудно, я всё сделаю, чтобы приблизить этот день! Потому что... потому что тут была магия! Волшебство! Чудеса, сотворенные силой мысли! И еще... тут у меня, у герцогини Эвелины Ксфорд, был красавец муж, великий маг и великодушный мужчина, которому я, кажется, была совсем не безразлична!

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net